

14

ОКТАБРЬ
1933

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

И. Морганов

Рис. А. Поманского

ЯЧЕЙКА

(из поэмы)

Косейкин, шапкою волос
Лыжных, веселых и пологих
На рокс, что зреет в днях погоних,
На лён, что расчесать не можешь,
Ты в память ветреную врос.

Обмоток тряпки на ногах,
Фуражка с головы кована!
В глазах два синих океана,
Две синих заводи в туманно-
Молочно-белых облаках.

Анкета... Я глажу назад,
В четыре пальца детство свистит,
Да бесприворный ветер рыщет
По оборванным пеленщикам,
По оставшим сторешным хат.

Под Вологодой он пас коров,
Под Вытегдой — шестеркой в чайной,
На Волеге пробирался тайно
На пароход необычайный
И путешествовал, как граф.

Потом война. Потом фронт.
Разведчик — разломил-машина!
Я на графе анкеты стыну,
Там, где ушел от карабина
В тылу белоохранительской ты...

И вот в глухом угау, у аба
Лесов и тайных узорочий
И неожиданно и прочно,
Под пологом весенней ночи,
С тобой столкнула нас судьба...

Ты знал — на Марсе есть луга,
Юпитер вечно лучезарен,
А в шахтах газ, как яд угарен
(Преображенский и Бухарий
Ни капли здесь не помогли).

Ты знал, как можно пар учесть
На сле видимой планеты,
Что есть удельный вес в комете:
Грустил об университете,
Машину думал изобрести

И править сам. Уям, пока
Делурка, словно гроб, уака...

В ячейке трое нас парней —
Погодков, в жизнь вступивших рано...
Еще не закип шрам от ранки,
От пули меткого комана
В твоей лопатке, Тимофей.

Его не знала фантазий лес...
Всегда спокоен и практичен,
К тяжелой мотыге привычен,
Он был и этим симпатичен,
Что в наши замыслы не лез.

Чего гадаться в небеса?
Земля, она куда приятней,
Родней, привычней и понятней,
И радостней и необятней
Вот эти горы и леса!

Вот я, к примеру, сотни шнал
За месяц вдвину под дорогу,
Сверчку — шесток, медведь — в берлогу,
Всему — свое... И понемногу
Он в разговоре засыпал,
Но в практике он был мастак:
С отцом, партизцем из движенья
(Нашло на партия вдохновеня!),
Смысла для лауба помещенье —
Глухой, загаженный барак.

Перед лицом дворцов-судей
Наш бедный клуб не слишком строен:
Корью снит и плохо скроен,
Он англичанами построен
Был для стойки лошадей.

И вот суботники. Кипит
Работа — по плечу любому.
Один халста берет из дома,
Другой в пазы сует солому,
А тот — над вывеской корит.

Начальник ствдции сполна
Любезность к клубу проявляет.
Подкрашивает, поправляет,
На занавес нам оставляет
Большую штору от окна.

Мы говорим: спасибо, друг,
Готовим зал, готовим сцену,
Мы аням этой дружбе цену,
Как цену каждому полону
Во время тяжких зимних вьюг.

В ячейке трое было нас.
И звали мы: начальник — лоха
У белых чувствовался неплохо,
Пна виски за царя горюха,
С него мы не слускали гава.

Пока что,
Трое было нас.

* Так звали на Севере англичан.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд.-пр. № 14 вып. (9) „Пролетар“

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ПОБЕДИЛА ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ОДНОЙ ШЕСТОЙ ЗЕМЛИ.
БЛИЗОК ЧАС МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИЗМ!

С картины худ. С. Герасимова

„ОКТАБРЬ“

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ

ДМИТРИЙ БОРИСОВ

Сегодня ему шестнадцать
Вчера он шагал пионером
Под розовый гром барабана
В школу и в лагерь.
Сегодня он — комсомолец
И он не один, не первый.
Кого подымает с детства.
Творческая зари.

Сегодня пришло его время
Вставать на посты пятилетки.
Итти на ударные стройки.
Под свежий крепкоплый лес.
И вот он идет сплозь годь.
От первой школьной заметки
До звания полнототделца
И техника МТС.

Не видевший городского.
Дикларма и генерала
И знающий алып по музею.
Что быль мундир и погон.
Родившийся в дни революции.
Когда гроза ширвала.
Когда матросы по Зимнему
Отрывали крутой огонь. —

О, сын революции явней.
Питомец рабочих каморки!
Там мать задыхалась от горя.
Братки твой в оклоп ослепл.
Ты счастья большим неведением.
Как был он солон и горек.
Намокший слезою и кровью.
Горбом заработанный хлеб

Россия трантиров и тюрем!
Всех бед и невзгод ставящице!
Фабричний, голандий, серенжий.
Пронзанный стужою дель.
Дворды — и лацуги рабочих.
На троне — чудовищ чудовище.
История мира посмищице
С короною лабскрель.

Ты счастав, шестнацатилетний.
Октябрьских боев уроженец.
В день твоего рождения
Дерзавка пошла по дну.
Шагай же, о прошлом помни.
Странно воспитанный ленинец.
Крепи и вели в грядущее
Моею молодую страну.

ГАЗГАН

Из романа „Большой конвейер“

Было около 12, когда Газган вернулся домой после заседания бюро. Он пробыл заглянуть на за-за стены ему поступали. — Боборнивов два пята чаш.

— Выглядит замечать, что с вами творится что-то неладное, — сказала ему Боборнивов. — Признаться, — ответил Газган, — признаться, меня иногда в это время мучает зуд. Гнет в шее. Ты поминишь те дни, когда мы по ночам ходили вдоль большого конвейера и думали, что одно из нас присутствие уже помогает работать организованней...

— Именно думали, — засмеялся Боборнивов. — Пей чай, Михаил. Я сегодня должен поспать. Я никак не ожидала, что Кавеню такой молодой. Это тебе не Саламатин. В нем нет его характера, но зато нет и его рисовки. Однако соняйся и ты. Ты ведь со Смитом меня догоняла полгода. Неужели ты не видишь, что это дело отдаленное и для нас веролозное?

— В 1927 г. тракторные заводы каваньса тоже многим нервничали.

— Оставь, Михаил, ты пересаливаешь. Да и потом Смит тоже не решает вопроса. У него труд не менее одиозный, хотя по сто ярат производственных.

— Вот это и решает. Кстати, платина утверждена. Волга будет отброшена на 25 метров. В ста километрах от завода будет громастивая автоскорости Днепропетровской.

— Но, кажется, еще нет решения СТО о пуске Енисея аспать, — переключая разговор на шутку, рассмеялся Боборнивов. Он изложил Газгану чай, и теплый пар шлохота ему руку.

— Я хотел бы, чтобы ты был трезвей, Михаил, — сказала он Газгану.

— Я хотел бы, чтобы ты стал скромней, — ответил ему в тон Газган.

— Почему скромней?

— Да потому, что ты всех учишь любящий.

— Да, да... Воплосни свое повеление на паролке.

Боборнивов стоял с открытым чайничком, и пар шлохота его обдувало, ровное лицо.

— Ну, знаешь, — только и сказала он, поставив чайник, с таким недоуменным взглядом, что Газган не выдержал, засмеялся.

— А я все-таки засяду с группой ребят за чертовой Сметы, — сказала он злобно.

— Как мне их звать!

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Почему?

— Отдалешься от дела. Перейди это в НАТИ. В Госплан — куда угодно, но не мешай людям работать.

— А дизель?

— Это другое дело. Это насущно необходимо. А то пока — фантазия.

— Но ведь эта фантазия уже осуществлена!

— Погоди, пока она станет насущно необходимой...

— Вот об этом и спор. Я утверждал, что в конце второй пятилетки такие заводы будут нам насущно необходимыми, к этому надо готовиться...

— Вноси проект в Политбюро, — покажал плечами, сказала Боборнивов и, глядя в глаза Газгану, ядрот рассмеялся. — Саламат, Михаил, у меня сегодня надо, повременить. Ей-богу это большое искусство. Если бы ты сам видел завод Сметы, ты бы поверил мне...

— Мне кажется, — закурил, сказала Газган, — мне кажется, что мне оба с тобой не в том тонировала. Нам нужно массовое производство еще и больших размеров, чем в Америке. Мы должны обслуживать 170 миллионов так, как не обслуживали их никогда ни в одной стране.

— Истинно, достойные красноречия на всех пинках торрора. Однако ты инспиратив. Ты не можешь понять законов спокойной, устойчивого, служебного производства. Надо хоть год заводу устояться, — понимаешь, устояться. В нем все что забывают, муть не осела кизилу. Не осела еще и людей. Бет такой летуч, как ты например, уедет скоро в Москву.

— Нет, я не уеду, — твердо сказала Газган, — я отсюда иду еще долго не уеду, если не снимут. Отсюда идует тепло на всю страну.

— Чего вылезла еще? — спросила Боборнивов.

— Нет, — сказала, подмялась, Газган, — и поеду в цех.

Не так давно, когда у него был спор с бывшими коммунистами, один из них искренне соводал:

— Во время монтажа, когда нас ночью будили и посылали стругать станины с платформ, во время прогрева, свердурочных и суботников, как я ни усталая, я себя чувствовала лучше, чем сейчас. Сейчас на заводе стало спокойней, и я вижу по ребятам, как им начинает надоедать односторонняя работа, а раньше они этого не замечали. Есть такие ребята — им дай хоть 8-й разряд. Они тебе не оставят на одной операции больше года. Они идут учиться, переходят на другие станы, выдвигаются в наладчики. И все мы, когда соберемся, вспомним дни монтажа и пуски. А как доберемся до 144 — там и вовсе тоска будет.

— Птенку тоска? — спросила Газган. — Разве не будет перехода на дизель, прекратится мощности, роста продукция?

— Это все будет хуже, не то.

— Как не то? Что тебе нехватает? Суетливости, тревоги, романтики? — он только тут узнал именно эту нотку идеологического, непроизводительного подхода во всей этой беседе.

Романтики, именно романтики ждали эти ребята, и они не могли ее разгадать в размерном ходе конвейера и станин, их привлекала и маняла приключенческая, а не производственная сторона дела. Это напоминало ему споры среди молодежи в первые годы нэпа, после гражданской войны. То же немарксистское, нелепое отношение к событиям, непонимание диалектики событий, привычное обобщение и неистинно чиста разяснять ребятами, в чем была их ошибка.

...Сейчас вот, дорогой к цеху, вспоминая этот разговор, он прощала себя, чего он добивается, чего он хочет. Неужели и в нем есть нотки этой

“романтики”, романтики строительства как самоцели, ради самого процесса строительства? А разве может быть иначе? Разве может человечество, пока оно существует, перестать строить, улучшать, совершенствоваться, двигаться вперед? И разве, достиг технику капитализма, мы соберемся на этом застыть? И разве, создав социализм в одной стране, мы выключим борьбу за остальные пять шестид?

Возле цеха валились бочки из-под керосина. И еще также тархтели вымазывали тракторы. Он обошел большой конвейер, обошел весь цех. Везде уже была устойчивость, конвейер работал бесперебойно, и дарились не было ни одной детали. Он подошел к Заусанину, к Тале (она была в ночной), к мастерам пролетов, здоровался со знакомыми станочниками. Он давно уже не был новеньким в цехе, и его увидели походу. Обыкновенно в новых сменила работа всегда шла хуже. Онни горели ярко, и тот вскакивал ровный круг цеха окружал его со всех сторон, ровный и сочный. Цех был адом, — так чего ж он не спит, чего он бродит по цеху ночью, когда завтра с утра комиссия по дизелю, в 12 — собрание по теплотрассе? Чего он бродит по цеху, как тын Гамлета, пан он, как и те коммунисты, автоскопа по первым, вбудоренным ночам мая — июнь.

— Все-таки я дурак, — говорил он себе, — лет бы спать и завтра не жаловался лям на головную боль. Так нет же, понасло меня в цех...

Он ругал сам себя и вспоминал и все-таки не уходил из цеха. Станочники в первом пролете с Кавенювым, он даже не удивился, а вспоминал, вспоминал, вспоминал. Ты сегодня горит, Коля, — ты действительно молодец, хорошо пробылота это дело.

— Так где ты будешь стоять олимпий?

— В инструментальном, — ответил синюхой Кавенювом, — я уж споровалась с Блюмом в Роденце.

— Замыслишь, он потянул Газгану за рукав — Миша, я все вспоминаю, где станины переставлять, — крикнул ему в самое ухо, так как «интересно» пошел в ход и шум загулал его горло.

Газган посмотрел на него жоско, Кавеню так самозабвенно унаблался и так была была его припрятан встенчивностью робости, что он ничего не ответил ему, а просто покачал руку. Он знал,

От вагонов торпливно потолкнулись ручейки людей...

то, что сказка ему Казеню: не было еще окончательной конструкции ливня, не была еще проработана технологический процесс, и Казеня не мог знать, какие станки придется переделать, какие операции менять. Но видно было, что заглядывая под шестерни парника на Болгоше, и Газган снова прощался с ним, а под болгошского конвейера Болгоше делал что-то спокойно и непринужденно в этой работе. Он нес тракторы, как река плывет, как Волга свои сплюснутые волны. Волды конвейера стоял без рабочих, они собирали тракторы, и в день плановых вывески сменялись с шипом плавильщика в краске.

Газган думал о том времени, когда в цехах и на сборке будут стоять мощные комбинаты машин и автоматические цепи машин обеспечат механические операции всех операций от установки рамы на конвейере вплоть до выезда с завода. Наружу на мостиках, как на заводе Сигта, будут раскардательные щиты, контактные и пусковые кнопки — мастера, наладчики, инженеры, ремонтные бригады, установщики.

— Постой, Коля, погоди,— попросил он Казеню, и они долго молча вместе наблюдали работу конвейера.

Болгош конвейер спокойно нес тракторы, как Волга плывет в половодье, и ручейками из пролетов, выходя к своему месту, стояла вода. Болгош конвейер страны уверенно нес новые города, заводы, индустрию, как нес этот конвейер тракторы, как Волга несла свои волны...

«На классовой вывеске, — упрямая и труная над собой, подумал Газган, — и факел от механистичности и Волга тут не при чем».

Коля,— обратился он к Казеню,— пойдём. Они покидали цех. Болгош конвейер нес тракторы легко и свободно; на седьмой, предпоследней скорости тракторы шли по его течению, как баржи по Волге в половодье; третий месяц конвейер не отстался, — притормозил делая шаг к нему со всех концов завода.

Газган оглянулся на Волгу. Жизнь страны, такая же помноженная, образцовая, в себе подоплавающие воды и воды всех притоков, жизнь станиц, отголоски все для создания новых устоев жизни, шал угурной, уверенной в себе походкой расцвечивающей воды, что от себя выводит, ромеи-роллантами, было звучало такое сравнение, оно было известно только в представлении Газгана. Встающее утро, утро наступающей зимы, утро лавины отпавших льдов и легкого тумана занымали над страной. Было около шести. В воздухе — разряженном утреннем воздухе слышно было особенно отчетливо тяжелое громадное двенадцатитонное и звуковой свист паровоза. Отпавшие льды влетали и падали снова наземь. Пыль вылась меланхо, она закружилась в зарывающей смерчи и, опывая, ссыпалась на желтые льды.

Светло. Голубовато-серый рассвет окутывала шелью домов, и рыжие пятна кустарника приятно выделялись на снегу. В поиске было тихо. Издали доносились тяжелые крохотные двенадцатитонные и отрывистые гудки паровоза. Прибыл первый рабочий поезд. От вагонов торжественно потянулись ручейки людей, — они шли все в одном направлении, к заводу. Потом все затихло.

Он был у порога своего дома, и удаляющиеся шаги Лавонова отдавали ему в уши. Он слышал затихан и шаги. Состояло все больше и больше, затем главной работой совсем выбросило на предутреннего тумана, и первый тонкий лед ударил в слуховое окно институты. На стройке позвонили, тут пошел ураган и начался дождь. Он спустился на стволы. Газган вышел за ручку двери. Так прошла ночь, он зря вошел в цех, и завтра день у него вероятно будет больше года. Нет, не зря он пошел в цех! — вдруг с силой вскрикнул в себя. — Нет, не зря!

Издали доносились тяжелые громадные двенадцатитонные и отрывистые свисты паровоза. Начинаясь день, как и всегда помыли забот и усталости, начинался день такой же, как и все предыдущие. Надо было сделать десятку паровозных цех — проверить диспенсер, вызвать людей на ЗРК, побывать в цехах...

Так жила тогда в стране те, кто жил жизнью интеллигент, так жила и он. Дверь захлопнула за его спиной.

Он вспоминал, что сегодня открылась всеобщая партияконференция и ему нужно провести собрание по цехам.

Где-нибудь так под утро работавшие по выводу в Георгиевском заводе, в цехе, в цеху, в цеху. Словно верхние стекла прогудели слабый свет, победивший электричеством. Среди диаграмм и машин были и ли диаграммы Волгоского тракторного завода в модели их машин. Это был этот рабочий год.

«Назад загуданно доносились тяжелые громадные двенадцатитонные и отрывистые свисты паровоза...»

ОТНЯТЫЕ У МОРЯ

Каким образом затонула буксирный катер «Норд», никто точно не мог сказать. Была разгонию о том, что у катера дригали динше и команда не успевала откачивать воду. Другое говорили, что команда вышла на берег, оставив «Норд» без надзора. Но только на другой день — 11 «Норд», ни «бочка», за которую она была крепилась...

Это было в 1920 г.

В Мурманском порту остались помолочные и погрузочные интертантами корабля. Остальные были угнаны англичанами.

Опустел порт. Только иногда бродила Колюшский экипа небезопасной работой. На берегу, платно приглядывая к пускету, — человек с красной лентой на шапке.

За сорок два километра от Мурманска, перед выходом в Баренцево море, стоит привставоляющий в бочке катер. Ни отпей, ни паров. Ударом гудка отдают в его пустом корпусе. Ндалю здесь жила команда лоцманов, дожидаясь пародозов со стороны Баренцева моря, чтобы везти их по Колюшскому заливу в Мурманский порт.

А сейчас тишину нарушает только бумажные волны внутри катера и замылае дверей опустившейся вост.

С беченой силой врет «Норд». Бюют волны незарепенный руль, обрушиваются на бок, подают в открытый тюрм и исчезают в машинной отдаленности. Вдруг оторвалась бечка лавы ударила по носовой части катера. Катер вздрогнул и медленно погружался в воду.

Взревевши килем в песок, он замер мрачным свистом на фоне песчаной равнины дна, гугая подводных «калей».

Прошел год. Восстановили и расширили Мурманский порт. Привели в порядок помолочные, погрузочные суда. Мурманск неузнаваем.

Сербит замечательная, расширяющая место для новой пристани. Сербитырабы, выгружаемая с траулера. «Затронули» причам, огромными цехами с машинами. Шумят лебедки океанских пародозов. Прогоняют кричит сирена. Аглатют железные цепи. «Майна Вирал» — радается откуда-то сверху...

От нас до губам «Норд» — тринадцать лет. От «Норд» до поверхности воды — 17 сажен. Катер нужен как вспомогательное судно для буксирных траулера. Показывался на месте затопления, пудовое судно «Помор» готовится к полемным работам. Кружатся и прыгают над водою чума; сверная на солнце, поназывает из воды мелкий шивет.

И когда свивают эту медную голову с черными водоолишителями, под ней оказывается медовое лицо т. Халдока, старшего инструктора водолазов: «Катерок хороший. В грунте сидит медведь, никаких повредений по всему корпусу».

В гурбке гуляют волны сизого табачного дыма. Лидя раскраснелись. Идет производственное

На глубине шести метров

техническое совещание. Каждый полдень должны быть в деталях знаком с предстоящей работой. А работа будет проведена ночью и труднейшая на весь, когда-либо проводивший. Под корпус «Норд» подвешены три ястора — бочкаты. Когда струпов закреплены наверху за столбе судно. Призыв и отлив Баренцева моря должны поднять и постепенно вывести катер на более мелкое место. Во время пологого отлива нужно выбрать слабый «комотенс» и закрепить закладку из концы по асовому и правому бортам полемного судна.

Работа ведется в продолжение полутора месяцев. Часто мешают штормы. С семидесятисаженной глубиной «Норд» переставляет на глубину пяти сажен. Когда в первый раз выдвинулся струп, команда, состоящая почти целиком из комсомольцев, направлено следит за срезамиными местами и выжывает до оттаяга гайки. Расчеты вытаски. Призыв поднимает «Норд» на несколько футов. Нужно подуть в с бочкаты. Это делает катер «Вистрыл». Радостно кричат чайки, парующие за бочкаты. Веселым ляд водолазов-удачников.

Позвог вывадут с водолазами. Целыми днями вырывает воду водолазные катер, смеханый с мюкрями хлопьями снега. «Помор» встает с якорной цепи, утренняя сестя за топчащую из воды рубку «Норд».

Работа подходит к концу. Уже заложены даче водолазные, с подольная в диаметре отверстие. Программа вода. Во время отлива вылет гурт. «Норд» как на алодии. Длинное судно судно обсамо раскрасили и растенными и положе из желаемый свет, невзначай из каких-то крепких располон. Включены паттуговые звонки и разноцветные цветы — атинны. Мелкие рыбы и разношпешинные с жалостью изобрываются на раздавленные тяжелыми ногами водолаза рубкуши. По утихий поверхности воды гудят за дружной вылету динше утки. Они испуганно вытравиваются, забывая за таинственным чиханьем компрессора, называющего для водолаза водола. Водолаз высказывает на поверхность воды и поднимается по трану на судно, понаывая аналитик, что все окончено. Четыре ассимилированных чиха опущены в корпус «Норд». Первый зал воды сразу же дает результаты. Уверены в воде катер постепенно падает. Гудок залупают в него еще одна шестидесятилетний шланг с вентроном. В час теперь вытравивается тысяча с лишним тонн воды.

Вода заметно идет на убыль, оголая котла в кончатере в части машин. Кое-где из щелей и молотки отворений она вырывается с шумом и бьет бочкаты. Катер выдвигает из заводи на воды ное, раскрасившая, словно лаг прилже, всплывает на поверхность. Тогда неокончательно вырывается из галог дружий привет. Он гремит над затвешим и покорившимся морем.

Спускают водолаза

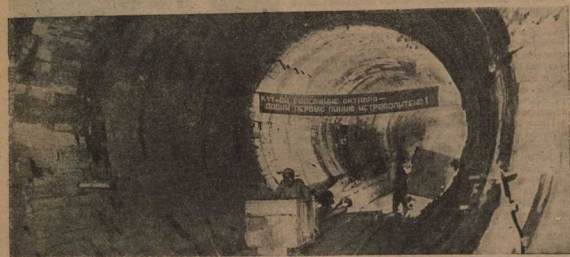
Водолаз АБВАНУШОВ

СТРОИМ МЕТРО

ФОТООЧЕРК

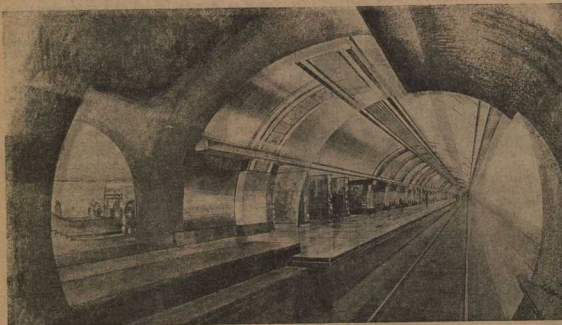

Это вешают в надшахтной копер-шина. В шине почти два метра в поперечнике и вешают его передвижным краном. Через шину будут перекинuty стальные тросы, на которых подвешат клетки. Клетки будут вытаскивать вагонетки с породой из шахты.

А это рядом, только под землей — это вид готового однопутного туннеля около станции Охотный ряд. Диаметр туннеля — 5,5 метра. Видны трубы в стенах, через них будут нагнетать цементный раствор, как об этом написано у меня в статье.

Свод туннеля еще не замкнут, внизу нет обратного свода, он будет уложен и примет на себя боковое давление породы. Потом насыпят на дно туннеля песок и по песку уложат рельсовый путь на шпалах. Сейчас же лежат пока временные ланты узкоколейки.

А это в том же туннеле через год — станция, и будет она так выглядеть и XVII годовщине Октября. Станция, как видите, удобная. Вагон поднят вплотную и платформе, ступеню у вагона не будет. Слева виден средний туннель станции, а в который ведет самодвижущаяся лестница. На такой лестнице ноги человека стоят, а ступеньки движутся. А другая лестница подымается. Если человек очень торопится, он может пойти по лестнице, тогда скорость его движения прибавится и скорость движения лестницы. На станции три туннеля с общей шириной 32 метра, длина станции 155 метров. Такие станции расположены будут по всему городу.

У меня дети есть. Трудно с детьми было переходить улицу. Подросли дети, а улицу переходить не легко. Москва тоже подросла.

И как подросла. Растет Москва. Занимает все уголки. В домах застраивают подворотни, дома надстраивают.

Москва растет и сгущается. Плав Москва полог на среза шп. Улицы коандами, а в середине кремлевский холм.

Раньше были еще стены и валы, и было это довольно удобно, пока на Москву набегали татары, но сейчас это совершенно никуда не годится. Народу много, улицы узкие, все идет через центр. Люди не помещаются в городе, город захлебывается людьми, люди вытекают с тротуаров, текут по мостовым.

А что из этого происходит, знает больница Славянского — много народу дают в Москве трамваи и автобусы.

Большой город дышит и ворочается. Утром город мост мило и чистит зубы — и задышится водопровод. В середине дня город пьет и ободает.

Вышла уже город Москва-реку. Будут долазить из Оки.

Рано утром Москва садится в трамвай. Москва едет на работу и на службу.

Москва едет в центр. Москва едет на бывшие окраины, где за заставами выросли новые города и дышит через Москву и вместе с ней задыхается от уюсти улиц.

В этот момент на валежнической станции пихается толку, Москва напрягается.

Душно Москве. Трамваи идут в затылок, автомобилями мешают трамваям.

На улицах в Москве места нет. Можно конечно поковыряться изд улицы, поставить по краям асфальды, пустить, как в Берлине, поезда по этим аткажерам.

Очень это шумно, и столбы загромаждют улицы.

Лучше провести туннели под улицами, там на своды не надо, там никто не переходит через улицу с детьми и не читает газету по середине.

Там единственным жалком будет поезд. Там сада — настоящее производство.

Долого по Москве стояли неуклюжие станции. Бурами почву, разведывали, что там, под Москвой.

Стояла Москва на семи холмах. Расстояния раз'ездили эти холмы и не найдешь их.

Речки текли по Москве, на речках стояли мосты, у мостов — кузницы, потому что кузницы огневые.

На площадях, что ныне Свердлова, еще недавно, говоря по возрасту города, стояли мельницы, молаи хлеб.

В Москве много речек, они асыпаны, загнаны в трубы, просто задышаны.

Сейчас под Москвой роют. Роют от шахт в сторону.

Слева узким ходом, подпирая потолка шторм, над которым где-то ходит трамвай, толстая бревнами. Потом заготовят ряд бревнами дожилого человека, которые снова подкрепляют рамками. После расширения туннеля на полный профиль по кружалам, отчерчивающую будущий туннель выводят бетон.

Свод и стены туннеля готовы, но необходимо чтобы они срослись с почвой.

Через отверстия, которые остались в бетоне, нагнетают цементный раствор под давлением, который заливает пустоты, оставшиеся между породами и уложенным бетоном.

Роют туннель разными способами, в зависимости от характера породы и от глубины залегания.

Копают глину или разрабатывают сланцы раз пошнелый — известняки, отбойными молотками, бурят его перфораторами, взрывают аммонитом, и вздут из слоя снесенного грунта вырывается вода.

Ее останавливают, нагнетая в грунт жидкое стекло с хлористым натрием, — и слабый грунт, опасный для строений, обращается в твердую породу.

ПОЛИТЕН

А иногда поступают иначе: шахты или штольни проходят кессоном, в котором снятый воздух вместе с водой.

Посменно, по два часа, работают в звонком тугом воздухе кессона кессонщики.

Давит воздух. И воздух в соседней штольне покачивается поток. Это его перекачивают.

На 21-й шахте, что на месте, где когда-то были Красные ворота, воду прицепили морозом.

Проморозными машинами землю. Тут вода уже льда не убавит.

Но под землей не одна вода враг.

Есть такие искки—плавунки. Это песок с водою, жидкая земля. Она стоит закрытая со всех сторон, о ней не знают. Но когда дойдут до плавунка, он начинает течь, за ним освобождаются пустоты, пустоты мнут осесть. А он течет.

Обходит плавунки. Идет шахта 22-я. Плавунки — враг ней. Иногда плавунки обманывают. Его затекают солоной. Кавказцы бы — невадская затека, но воду солома пропускает, песок — нет. Песок выкопается. Плавунки перестает быть жидким, его можно запереть.

На каждом участке — новая задача и новое решение.

А срок жестокий.

Срок ставят Москва, промышленность, город. И воюют люди с землей под землей.

Воюют с похороненными реками, с остановившейся водой и текущим песком.

Воюют, двигаются вперед от шахты к шахте, и комсомольские бригады следуют вместе, встречаются на работе, по-разному победив врага.

А этот товарищ работает для того, чтобы пробить для нас туннель метро. В руках у него отбойный молоток. Отбойный молоток приводится в действие струей сжатого воздуха.

Подвог шланга виден на рисунке. На снимке видны уходящие вдаль рамы, которыми крепят штольню и торцы досок-марчеванок.

Отбитая порода грузится в вагонетки и потом через шахты подается «на-гора» (вверх, по-нашему).

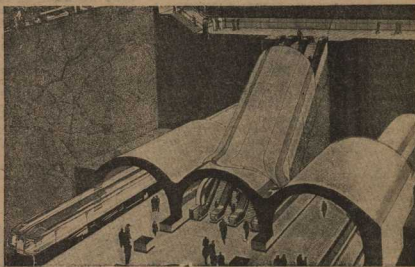
Если порода не поддается молотку, то отбойный молоток сменяется перфоратором. Перфоратор очень похож на отбойный молоток, только у него не зубок-лопачка, а сверло-бур, и он не откалывает породу, а просверливает. В бурки закладывает аммиачан и взрывают. Во время взрыва рабочий уходит в соседнюю штольню, когда проходит дым—возвращается.

А это вагон метро-политена. В вагоне не будет ни шума, ни пыли. Поезда метро будут подходить через каждые полчаса. В каждом составе от 4 до 8 таких вагонов, а вагон вмещает в себя

200 человек. Длина вагона 18 метров. Скорость движения 25—30 километров в час. Билет пассажир получит на станции. Дверь в вагон будет открывать машинист, а не пассажиры. Двери открываются все сразу при подходе к станции.

Закрывает двери тоже машинист, причем закрываются они не вручную, так что если вы попали в дверь в момент закрытия, то можете их легкое удержать рукой, но двери, после того, как они закрылись, открыть уже нельзя без машиниста.

А это станция глубокого залегания. Она изображена так, как будто вынули всю землю вокруг нее и разрежали

туннель до того места, где кончатся подвижные лестницы. Пассажир опускается по обыкновенной лестнице на 4 метра, а потом переходит на подвижную лестницу. Все остальное ясно из рисунка.

А про этих людей мы уже слышали, Секретарь ЦК и МК ВЛКСМ т. Лукьянов беседует с бригадиром снежной комсомольской бригады т. Замалдиновым В. шахты № 10—11. Это та самая бригада, которая работала на сбойке шахт № 10—11 с № 12. Бригада создана только для месяца тому назад, из людей, которые прежде не знали ни того что такое перфоратор и отбойный молоток, но и что такое штольня. Был отдан приказ сбиться, т. е. соединить штольни и 25 сентября, в комсомольская бригада произвела эту работу и 23-му. Товарищ, которого мы видели сейчас на соседнем рисунке с отбойным молотком, — из этой самой бригады.

БЕССТРАШИЕ

Рассказ

Итак, сценарий написан и слан на фабрику. И Батта сама. Батта Кайсымова не позволила сниматься, но исполнителем найден и Кабарда спокойно ждет фильма. В те дни меня волновала судьба моих будущих героев, я жила с ними вместе, видел их ежедневно и на работе и вечером — в сааке, и признаю, знала мимолетно робость. Батта жила сильно огорчала, но в бесстрашии воссоздала.

То, что описано ниже, не вошло в сценарий и будет показано на экране, но и в этом эпизоде режиссер располагал бы настоящими «полуметражными» чувствами и «сюжетом», как говорит в кинотресте.

Почтенный краевед, старик чудакватый и протодушный, два дня обижена мне роловые кабардинские тапра и изумала книжками тушерной чечекки.

Второй месяц я жила в Кабарде, злысказка — в рассказах стариков, на партиных собраниях, в «делах» областного суда — острые конфликты происходят в городском ауле...

Образования моим посещением музейный старик помпунто возвращался к горским сказаниям. Он сообщил мне, что курный сад — самая грубая брань в кабардинском ауле. — В этом слове, — умовалячила старик, — все мусское предание, превращение горды—длгитга и пастура — и бабей дольшней забате.

Мне асыновил один забавный случай, который и сейчас ничего не значил для меня, если бы не этот... курный сад.

В Кавказском уезде, неподалеку от знаменитой стройки, во время моих поездок мне встречались молодой кабардинец с пттифермой. Он нес живых кур для строительства. Его ара была приспособлена для таких перевозок: большая клетка на больших скрюченных колесах.

Пела ара, пил и горель лежал на клетке, а под пелю, трепеща, вывалил мне бабах крыльев, рубинных грешков и паленного горлового колачтина.

За пением и грохотом ары на каменных порогах дороги возник не заметил, как позвоня растворился дворца и куры и петухи высыпали на дорогу. Парень спохватался только тогда, когда добрал половину его милого груза разбежалась по лужайке, ошеломленно отряхивался после путевой тряски.

Горец гонялся за курами, хватал их длинными своими руками и смущенно озирался на меня и моего возничка кабардинца.

На горных дорогах царит безлюдье, но стонт случится какому-нибудь незначительному событию, и этот неудобный — весь в трещинах — каменный мир оказывается исполненным мудрости, асудими, случившимися людьми. Не прошло и десяти минут, как по дороге уже немая была процессия. Ары, вздрогнув, валили, ступидили вокруг птничьей клетке. Хлопот и крики замешанного олобения всасали тишину.

Как издавались горды над этим попавшим в беду молодцом! Как львовские выражались по раздражению они его усали! Сколько бесподобного презрения спрядалась в расчесанных степенных бородах стариков!

Только сейчас, в музее, в гостях у краеведа, я пошла: там метна тогда за себя развороченный в корне устал деловой жизни, там казнила старина кичливого пастура, молодого кабардинца, пошмешего зайти за бабей дело...

Ауа Кочкарташ — действительно в поднебесье. Глубоко внизу, точно стада овец, облака. Вокруг асудки. Они шмыряют асудки, и те гудят... А над голозой — одно синее небо, в котором словно отразился сплотившийся мир.

Батту Кайсымову и являла на обесчеленном пункте. В сааке, изображавшей лабораторию, учительница возилась у примуса, подогревая какие-то осытаны. Она показывалась бы и с первого взгляда прекрасной, если бы не оспа, точно градом побившая ее. В дивлянии Батта была та быстро, в глазах та извлекательная смелость, по которой, говорят, легко узнать горляку, побывавшую в городе.

За саакой, открытой отосудку, находилась загон. Мычание раздирало воздух.

Шестой день в Кочкарташе на искусственное обесчеление скота. Аульские старик мрачнели в недоумании, женщины плавались на всех дорогах и хлопая худыми руками по асудкам.

Искусственное обесчеление дошло не только уличить пороку, но и спасти горское животноводство от постоянной угрозы эпидемических заболеваний. Летом пастухи гонят скот по горным лугам все выше и выше, пока ослыдают в апыный полдень не встречаются на перевале стада соседних уездов.

Тогда институт вселесде пастухи рассказывали новости, выменивают между собой старинные — чуженного аты — лукочные часы, передают друг другу асудные рецепты сыроварения, порой... следят кровавые счета.

В это время, чтобы дети всех кабардинских аулов знали молоко одного вкуса, ели сыр одной крепости, салютуют все стада в одно стадо.

Зоотехники проноуют теперь в самые отдаленные уезды Кабарды и вселю организуют искусственное обесчеление. Это делается им не просто. Косий мер древних законов, куладка цепь северной округают их дело непринимой враждой.

В Кочкарташе молодому приватнику проваляло к нему на помощь пришла местная учительница Батта Кайсымова, та саала, адр которой мне дали в дальнейшем женотеле.

Это было подлинное бесстрашие, и оно озарило работу, Батта ходила по дворам, убеждая горцев в целесообразности нового мероприятия. На пункт она ушла не одна; она организовала зоотехническую практику для старших ребят, добилась освобождения их от пастушеских обязанностей при стаде и увела с собой на пункт.

Дни проходили в напряженной работе. Зоотехник вознался теперь только с производством. Батта заведывала лабораторией. Мучило высокогорное родство страха она измеряла в пробирках и разбавляла водой 1:20.

По вечерам Батта возвращалась в аул. На площади — там, где в молодые время после молитвы перед мечитой! облоде горцы часами слушали

«Мечеть».

... Возник не заметил, как позвоня растворился дворца и куры и петухи высыпали на дорогу

них партизанских отрядов. Книжка и сабля уже висели на стенах в тех саваллах, которые я постила в Кабарде в поисках кинематографического сюжета...

Но я видел будущую работу Батты Кайсмовой на научном пушке. И еще я видел оружейного кабардинца на дороге у баксанской стройки в ту минуту, когда он ловил разбежавшихся кур, а над ним висела уничтожающая, как проклятие, брань стариков.

— Птичь пасть!
Я знал, чем измерится мужество в Кабарде, и мне затеялось рассказывать Батте о члпнчем пастьце и его позорном смущении.
Я узнал имена волаха, запропанту голову. Внезапно за темного нитя рядом с нами возник молодой кабардинец. Поглядывая злыми глазами, он заговорил с Баттой резко и несприимно.

Торопясь, он задышал, но я отчетливо услышал слово, позорный смысл которого обрисовал мне в Научные красные.
Учительница не отступила и не смутилась. Я любовался ею. Кабардинец сказал свое и ушел.
— Это мой дядя, брат моего отца, — она улыбалась полукрытыми губами, и я увидел ее сверкающие зубы. — Он говорит, что это позор, чем я замыкаюсь на пушке, — позор, как если бы он сам, брат Тавруна, моего отца, кабардинский герой, дурил зур или высылал дуплять...

Герою фильма было уже найдено. Не хватало нескольких черт, чтобы ясно обрисовался и облик героя. Моя беда — в Копчартах не было вужичных людей.

Третью самияя я теперь по каменным улочкам Копчартов. В самом деле вечно было темно и горячо от дыма, шумно от десятка редких мужских голосов. Дошлый пок казался земляным от грязи. Горы топились у стола, за которым сидела секретарь сельсовета, бывший районный кооператор из Теймбожина, несколько как оназавишныи в горных темнотах. Это был мужчина нежный и респектиный. С гордыми, да и со мной, — со всеми он разговаривал обидно свысоказно, как с мадами. Какого-нибудь верзлук-кабардинца он встречал вопросом:

— Ну, а тебе чье, дугеуаха?
Мне он казался, совещавшимся.
— Нет у тебя, дугеуаха, настоящих боомшичюк! Не таюксимы мм. Вот разве председатели, так он на десятки лес загонялвал второй месяц. А я здесь — случайный человек, меня в счет не берут.

Его я конечно не собирался брать в члены. Я выхождал на площадь перед сельсоветом. Меркит, заветный для маомшич, не был еще открыт для революции. В тени его ограды на корточках сидели горы и томохаки.

Возвращаясь в школу, я рассказывал Батте о том, как любит в ауге ее отца. Это был пробный камень, на котором моя героиня проверялась уже несколько дней.

Мне доставало настоящее удовольствие видеть Батту воспрянувшей гордостью за отца.

— Это верно, — говорила Батта, безбрежная мацупиной скромностью, — Таврун — настоящий коммунист. Мне многое удалось в ауге благодаря его авторитету. И тебе бы стоило с ним позакомиться... А как он кривит на коне! Везде у него два ауга копейки в жалкие копейки!

— Это тебе не кур вонять в клетке, — добродушно вставляла я, словно невзначай. Батта вспыхивала, но потом, собрав лоб у зоршники, улыбалась, и мы шли по аугу, как два товарища.

Наступила день отъезда. Батта неожиданно легко согласилась отвезти меня к Таврану. Она сама запрягла школьных волаов. Зотеевич уже поздно ребята бродила со стадом на высоких пастбищах горных склонов. Это было в разгаре. Что можно и заплотить ей повалить отца? Мы шли в аруб, и я ошумелась; Копчартах широкой каменной лестницей беда вывсечен в скале зависела. Когда-нибудь будет здесь огород. Школьники Копчартова всегда бравовала, лучше воровака. Но я тогда, порадываясь с горором, человек оглянулся и увидел широкую, широчайшая, может быть, мармовная лестница вывсечена в скале...

Спуск с этих высот был еще труднее под'ема. Долго отходило селаме зина, и арга трохмала над проспектом.

К вечеру мы пок'ехали к копыауво. Батта сосочила с аруб и вбежала в ворота, я остался. Что мог поделать я с синевой этих высот? Духовитой Зарбус дельца вдали кабардинским седлом. Конское железо доносилось со двора.

Минут десять спустя Батта вернулась одна. Что-то, видно, случилось с Тавраном, потому что Батта молчала, не замечая меня, походила и волаов, по-

ложила ладоны на их горные ноздри, постояла в радугами и потом стала толкать волаов прочь от ворот...

— Где Таврун? — спросила я.
— Она молча указала на ворота напротив. Мы уехали.
Это было птицеферма.

Итак, Таврун Кайсмов, почетный старик ауга, народный герой, оказался на птицеферме. Спусти двадцать минут и уже звала все. Кто-то из работных ферм подвела меня к стеллажам и рассказывала события последних дней.

Таврун перебросил с копыауво три дня назад. Презный директор птицефермы был тоже кабардинец и неплохой хозяйственник. Он развала птицеферму только потому, что присудивалась к мнению отсталой аугской массы и ставился птицеферме аса.

Однажды он внезапно вернулся из поезда в усадье и отказался работать. В ауге, где он наладил заготовку яиц, старые женщины всемали его на площади.

В стеллаже, в отделе «Пух и перья», на фреске «О чем вестает директор?» местный фельетонист отвечал: «Как бы переить дорогу» (выприть птицефермы, через дорогу, была располонен копыауво с его замечательными копыаувами).
Когда стало ясно, что на птицеферме глубокий поправ, Тавруна Кайсмова вызован в Нальчик, в партийный комитет, и сказал:

— Коны твои, Таврун, скаут прекусно, а вот курн на птицеферме дохнут. Займись со всей ответственностью.

Встречи Батты с отцом я не застала. Когда я подошла к ним, Таврун сидел на лошади, укоряя-независимо глядя на Батту. Батта молчала.

Обернувшись к какому-то мальчугану, Таврун спросил:

— Где же этот старик сейчас?
— На пастбище, — махнул рукой мальчик.

Таврун стащил поводья, и лошады его затрулили по полю. Огромная фигура старого паульмана из мелкородовой, худоройной лошадыне могла бы расширеть все курное стадо.

Батта просмадила мой взгляд и с горечью выговаривала:

— Посмотри, как он красен на коне!..

Это было уютнейшее занятие — наблюдать Тавруна на работе. За день директор несколько раз облетал птицеферму с ее инвенторами, бруеракунами, птичьими пастбищами, с ее складами и рабочими коттеджами.

Он жадно приглядывался к новому, совсем новому для него делу. Он начинал с птицы. Да он всегда выдла в жизни этот зухлый псылавый колодеч.

Пустив птичку обратно в бруераку, Таврун брезгалво ветру руку о palm черески, но, заметив чужой взгляд, словачился, поспешно вылезал из зареманя коробку с папирасами и предлохал окружающих.

Птичка стада все лето провадот над открытым миром. Тысячи кур и сотни гусюков — летогорн и ротейдолок! — клоуют зреля, дерутся, звенят тысячами, долбещут. А над пастбищем шумят, вжавшимися кругами бегот делаются аустор.

Лучшие стрелки аугов занимаются птицефермой для охраны птичьего стада от астребов. Выстрелом помпнуто ваяет на землю самок дерзавых. Учить убить — кормить своим мясом птенцов — помыляе их аустор.

А астребов это ны день, то боамне.

В день нашего приезда старик-охотник, лучший стрелок Баксанса, заботовста. Отказался охранять стадо. Может быть оно, как и приемному директору, стало невозвотно от поара?

Таврун установил, десурство с винтовкой на пастбище и сам с поачаса стремля в астребов.

Вечером он пришел к Батте, уставый и мышанный.

— Решено! Еду в Копчартах за яшавим. Еще дельца да и в инвентуре будет пусто. Никто не оправдаться простору!

Он вывскался у улыбкалыва, огромной и содой. Батта подошла к нему свавди и полокляла руки на его вздрагивавшие плечи.

— Отец, я сама могу ваять в Копчартах за яшавим. И я побоялся атом, хорошо знаю аугских женщин. Зачем тебе ехать? Ты здесь нужен...

— Не смыв мышанный пены с лица, Таврун круто обернулся к Батте:

— Отвянь, девочка, я же все понимаю. Подумай, как ты себя чувствуешь сегодня. Комсомолка, а такта слабишьна. Мои дочь а така...

Он не доскавал и вновь обернулся к улыбкалыва-нику.

... Дернать у глаз трубочной сложеную ладоны, из нее выпулывают яйца

Было поздно — одиннадцать или, может быть, двенадцать часов, усталость охватывала меня и смыкала зинки. Мне хотелось прерогорить с Баттой седлым, но Батта молчала все вечер. Мы сидели в ее комнате, она малась в угау, а я избривалась в блокнот сегодняшние впечатления.

За стеной шло совещание, говорили все сразу, ослепительно и страстно, как всегда на ночных совещаниях.

В ауге выдалась голос, настойчивый и спокойный. Батта повернула голову и вслушалась. Может быть только полчаска спусти десяной ло моего озвучивания, что этот голос за стеной ее отца, Тавруна.

Он бушевал:

— Это басы арабские, — грохотала голос, — это басы арабские, будто дуплят по ossim сиюноту. И по всде... А этот старый охотник не хочет быть астребов. ЕМУ стыдно, а астребов хуят дельца!... За каждое курное перышко вылет... Пусть поштучно отчитывается в работе! На следущий старика!

Я разордал зени: во мне повзворадлась героиня, ее лицо вярствало до мушкет пильов, свистало, озаренное калмино-то огромными зеркалами.

— Правильно, отец! Стайка на следущий! — крикнула Батта и заступала в стену.

Все сразу смолкло. Усталость шиваряла меня, я обложилась на ста.

Утром ферма разбудила меня резвым и удивительным набором звуков — шла бодая переканка питуков, грохотали аруб.

Зависаясь в овинах колебалась от ветра, я евочила и подбжала к окоу. На дворе шла сортировка яиц. Из яшавиов их перекалывали на столах, перебарывали в я тепловых катанки и инвентору.

Отророй своей кабардинцы дельца у глаз трубочной сложеную ладоны, из нее выпулывают яйца. Кабардинец глядел сквозь небо на солнце, чему-то веселаясь и что-то бестрастно — несное слово! — что-то бестрастно говорил женщине на кабардинском языке.

Я не узнала Тавруна, но сразу поняла, что это он и есть, народный герой, старый партизан, тень павший в двадцатом Серебряковом.

Я подглядела бестрастно отца и еще боамне — мужество дочери. Батта стояла рядом с отцом. Улылок меня, она рассказывала и за синевой Тавруна как-то уморительно ясно всплывала рукама.

Как подбжала я, что нельзя обвинять с'ему сегодня же, жюгда герон так свистаны с равнето тура и югда, так саодце, что дельца старикомские ладоны Тавруна прозрачно розовот на саст, как самое свежее курное яйцо.

СКУЧНО ЛИ НА ЭТОМ СВЕТЕ, ТОВАРИЩИ?

Когда все было кончено, Гаранинда лег на землю, вынул блокнот и стал смотреть в небо.

Это была усталость. Он держался до последней минуты, до своей команды:

— В полете!
Но выдохнув команду еще полным голосом, он выдохнул и все свой слух и лег на землю, как арестант, потерявший плучество.

Гаранинда командовал стартом. Он ее слышал 21 ночь. Он лежал на земле зарывшись в нее и только смотрел в небо.

Что он видел?
Небо голубое Гипсику Отсутствия ветра Улугу.

Корреспонденты иностранных держав, прибывшие в аэропорт еще с вечера, бежали к телефонам и телеграфу. Начиная с той минуты, когда Гаранинда командовал стартом и, подвигавшиеся током воздуха, трое товарищей поднимались в области, где никогда за все время существования планеты Земля не был еще человек. — Начиная с этой минуты в Америке стали выходить встречные выпуски газет. Они писали о том же, о чем думал Гаранинда, свалившийся на землю без сил, о чем кричала в телефоны вся Москва, о чем молчали толпы людей, очарованно созерцающих голубое небо и в голубом небе прозрачную, как лунный серп, светящую точку. Писья выяснилось, что одна из американских газет выпустила за день 5 экстренных выпусков. Через 24 часа писатель Александр Толстой сообщил в «Комсомольской правде»:

«В час дня в Москве корреспонденты американского телеграфного общества получили из Нью-Йорка благодарность за быстрое сообщение мировой сенсации».

Все было фантастично в тот день. Выразило глаза у любого человека на улице. Рагоровы. Мечты. Один из больших писателей спросил шутовски:

— А может они увидят там бога?
Другой же с забавной серьезностью ответил:
— О нет, конечно бога они не увидят, его нет. Но небо там, несомненно, багрового цвета. Именно багрового...

Странно, но этот романтик был прав. В ту самую минуту, когда командир старта Гаранинда и видка в блокнот привычно голубое небо, летящие звезды Прокофьев, Бирнбаум и Годунов заметили, что небо в их областях фиолетовое.

Но открытие порвало их мало, так как все внимание в эти восемь часов, проведенных в стратосфере, отнимала работа точных инструментов. Они брали в герметичные закрытую камеру воздух стратосферы. Сделать это удавалось с помощью дьявольски остроумного приспособления, получившего название в микрофизической литературе, с помощью электричества, знаменитых капсюлей. Инструменты были сланы в стратостат опечатанными. В минуту спуска возле Колдомин комиссия из яла инструментов и увезла часть из них в Ленинград, в специальные институты.

Вскоре принесен был на нашу планету разряженный воздух стратосферы.

Сотни ученых спорят, что стратостат не мог взлетать из приборов.

Биолог проф. Колянов был очень огорчен, что не была заарана в стратосферу муха, объектно

внешняя муха. Дело в том, что все генетики мира профессы развития и изменения живых существ изучают именно на этой домашней мухе, Прокофьев, Бирнбаум и Годунов заехали в область почти бесгранично расширяющихся космических лучей. Могла пронизать чудо. Под действием лучей домашняя муха могла показать человечеству, чем оно обязано космическим лучам. Она могла измениться, стать иной, негра исполненной сила приращивала бы профессы ее роста. Ведь знаем же мы, что не было во вселенной космических лучей, человек не родился бы. Амеба осталась бы амёбой, одноклеточным меридианом жизни.

Вот куда звалетам Прокофьев, Бирнбаум, Годунов.

«Вот какая история случилась в северной столице нашего обширного государства,— писала когда-то Гоголь, закончившая неизменною, илюстрированную повесть «Нос».— И однако же при всем том, хотя конечно можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где же не бывает несообразности?— а все однако же, как по-размыслишь во всем этом, право есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывають на свете,— редко, но бывають».

Человек грустный, больной, Гоголь знал хорошо, что в его жизни, в его время из ряда вне выходящих происшествий не было, не могло быть. Все его необыкновенные истории— либо шутка, либо странности бальной натуры. Правдой же было для него лишь Иван Иванович да Иван Никифорович, великие титанические союзу у древней российской дуги.

Но как странно подходит для событий нашей страны мечтательные, когда-то бессмысленные слова романтиков. Один из писателей уже приволил в связи с полетом стратостата слова того же Гоголя:

«И стало самшно далеко, далеко во все концы света».

Так и есть,— в ту ночь далеко стало самшно, во все концы света.

В фантастический день, 30 сентября 1933 г., залетевший из 19 км. высь стратостат стал как бы высшей точкой воображаемой пирамиды, и внутри этой пирамиды, основания которой протянулись к границам Союза, вошла такая лавина событий, что сознание почти не вмещало их.

В тот день, примечательный и небу и лунооб-разной гондоле взором всей столицы, везшая в ту же столицу другое событие— многоколесо, заплезающее пустынями, простое и суровое, великое.

Шай автомобилей из Кара-Кум, плыв с московским воздухом в шинах, накануне четверть года назад.

Шай сталь, чулки, каучук, лампы, моторы, фары, сделанные в стране, еще вчера соломенной и глиняной.

Шай шиферы, водители, конструкторы, инженеры. Люди, которые российское вчера уготовавало бы место в конструктории, в архиве, даю бы чин титанурного или сталево, штраф, олеуку пристава олологов.

Все эта лавина пронесла свою снау и мужество сквозь многие горы, дороги, камаматы и широты. Движение!

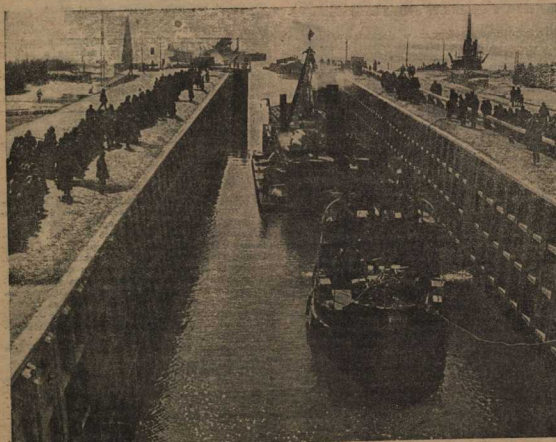
Заметьте, как привнесло в нашей жизни энергичное слово «старть».

Стартуют авто, гласомы, стратостаты, пловцы, бегуны. Малость.

Зарывай смисл. Разве не волнует нас, всех граждан, то спокойствие, с которым планета Земля устами Алксиниса передавала в стратосферу место положения стратостата с тремя товарищами, их высоту, их удаление от Москвы и приближение к Колдоме.

Или лавина ясность, точность, спокойствие в радиодиаграмме Прокофьева!

Фото А. Родченко

...Пароход совершает рейс по пути, небывалому за все существование мира, по каналу, соединившему Белое море с Балтийским

«9 ч. 32 мин. Говорит «Марс». Принимаю на себя доклад. Репродуктор ярчеит на всю лабину. Вы просили говорить реис. Говорю реис. Радио от начальника ВВС т. Алексина принимаю. Высота—17,5 км. Наружная температура минус 46°. Скорость ветра—около одного метра в секунду. Настроение хорошее».

И этот ответ советской земле:
«Самншность прекрасная. Желая успехов. Сообщите, как работают кислородные приборы, какая температура лабины... Рекорд лобит, не особенно удаекайтесь, Алексин».

В этом «на удаекайтесь» бездна смысла, целая философия нового человека.

Не удаекайтесь, ибо я знаю, что не может не удаекайтесь большевик.

Не удаекайтесь, ибо я сам удаекин.

Не удаекайтесь, ибо нам нужны мужество, гордость но не безумие.

Не удаекайтесь, ибо не нужно рисковать там, где успех, где валет, где пареня над планетой, над миром преудачно смеюстью всей страны, подготовой ученыя, системной, науки, приборам, заркам скансам.

Каково спойствие в этой радиотрессе земли:
«Вы находитесь в 50 километрах от старта в районе Бронницы. Идите на юго-восток. Синийне определяется. Предполагаемое место вашей посадки—между Бронницей и Коломенкой».

Трудно писателям. В той самой стране, где Гоголь искал, когда-то оскучно жить на этом свете, господая, жизнь разверзает перед изумленными гаваями такую дела, что не спится ночами писателю, гудает воображение по миру, и самшню становится далеко-далеко, «во все концы света».

Недавно грузинский писателю пародов вышел в реис,—опять-таки по пути, небывало за все время существования мира. В канале, соединивший Белое море с Балтийским.

Писатели унылая валдальские озера, подыкате над вековыми руслами реки, водный путь, прореваный слезами дремлющую землю. Сотни и тысячи людей, прозававших в своей судьбе канал от речотек и гортек к высочайшему творчеству и высочайшей свободе.

На берегу плясы песни, бывшие заключенные собирались у поездов, ехали на другой канал, под Москву. Поцелуй, прощание, речи. Тут плясы песни, сочиненные бывшими убийцами, ворами и вредителями. В песнях зарывались слезы, тогда вода новой землей, озера поднимали волные зеркала к вебу. Замечательные песни. Гудел пародок.

Один из писателей, Лев Кассиль, сказала слова, исполнение величайшей мечтательности. Он пошутал:

В день 30 сентября 1933 г. стратостат летит высье на 19 километров...

— А скандинавам нужно сообщить, что они теперь остров. Канада-то ведь омывает их, от материка шведы теперь отрезаны!

Что же, это верно. Шутка, но исполненная штука. Канада действительно событие для географов.

И каковы писателям, что налодо суждено им жить только величием этого замысла, этой работой над новой природой, над новым человеком, героическим делом ОГПУ.

Они приехали в Москву. Летят стратостат. Прибегали из пустынь автомобилей. Расширялись человечеству границы возможного.

Воздух стратинх высег аска в высье на лабораторном столе. Измеренные, хранились в запясы космические лучи.

Гарьянцде, не спавший 21 ночь, смотрел на небо в бинокль.

Как вместить все это на тончайшем острове пера?

Фото Богдан

... Шеферы, конструкторы, инженеры Барануменого пробога пронесли свою силу и мужество сквозь многие горы, дороги, климаты и широты...

Фото А. Скурухина

О ГОРЯЩИХ БУКСАХ

На каждой остановке поезда Васильев спешит с молотом и маселкой. Он выстуковывает, выслаушивает буксы каждого вагона, потом, как самый внимательный врач, прислушается к ним. Малейший шорох говорит ему о больной буксе. Его нужно промывать: вода для машины подшпиннива, нет ли в буксе твердых предметов — повалины со стороны камней, гаск, болтов, не истрепалась ли фитиль, нет ли зазора шейки. Заезд — самое страшное.

Васильев не имеет отпенок, поворачивая ими смазчик. Ватный им состав, пробывая 1.500, 5.000, 14.000 километров, приходит в полной исправности.—вагоны всемо поступают на стыки и надосадыный тиско не ремонт уза старшего осмущирача вагонов.

По все время в 53 года пробоать многослаженный состав. При малых стоекках и подовины не пробокиши. Поэтому есть у Васильева полсменщи, смазчик — молодой парен-комсомолец. У него ноги перебиты уругими ишшица, а на груди янвюк ГТО.

Сашка Агаликин — активист. Он собирает членские взносы, ишет в газету, сам член редколлегия, прирепан к пионеротряду, учится. Смазчикком ства он два года тому назва. На первых порах старик деваа все сам, а Сашка приглядывался. Учил: «Мало завалить до сик пор — не больше, а то убьетонно будет. А меньше тоже не дева, потому икхватит на пролет, свистеть будет, шейку задерет».

Через две недели Сашка уже самостоятельно ставла алоучный боат.

С ияранием у Васильева договоренность, чтобы старина не мешал: «Иногда людей разбираться еслам сработалось. В машине и то — притуртся части, и ход ровный и работат отлачно, а новые поставить,— всегда хуже первое время работают».

Васильев здорово сработался с Сашкой Агаликиным. Где не успел Васильев, Сашка поспет, где Сашка не знает, Васильев знает.

Плохо только администрации Кавказской дорожа обеспечат работу смазчиков, а путем нет их станцих специально материала. Хотя весь состав стори — негде достать!

Едет смазчик из Москвы, имея в запасахых частях два подшпинника, два рукава, алоучный, в ресорный боат, а в составе 14—16 вагонов.

Раз завиднич Агаликина отдалось от Васильева. У себя вагоном начал греться буксы на первой высе остановке от Москвы. Ставля их Агаликин и на воду, и свечи парифиновые кава а смазку. Никто не помогало,—плохо сработал московский слесарь. На 1.500 километре подшпинник азгорелся. В Поклевской стали мекать,—на всю станцию малышника нет для шаровки. Так и поехали на мешаботном. Из Богдановича дали депешу в Свердловск: «Ишните слесарей». Слесарей выслали, а подшпинника не дали,— нет в Свердловске подшпинников.

Красноуриинская шарбовка не отличалась точностью, и нагрет стал значительно.

В Сергаче отчаявшийся Агаликин, вопреки всяким инструкциям, завривался автомобильным автотомом,— не было смазки.

На первом Навашином—Муром большой пассажирский вагон азгорелся. Муром отстоял и отцепился в Муроме.

«Из поезда № 12, вышедшего из Москвы 22 июня, выбва вагон по причине горения буксы» — так гласит официальная бумажка.

Агаликин сидит в визенной стоекке лето и глотает сук. Вдур от отрывается от тарелки и смеяет приклинать в ту сторону, где за стоекком сидит со своей бриткой Сазарчук. Она болей подлетает в Закарчук и во все горло орет:

— Эй, ты, мастер! Тебе не вагоны, а слогги читать. Стади, стера, 12-й вагон. В мехляки лешень. Ну погоди! Мы еще поговорим, кавай ты есть мехляки!

Закарчук недоумевающе смотрит в лицо Агаликина:

— Ты что, сдурел, парень, что бросаешься?

— А то и бросаюсь,—переводя дыкание, говорит Агаликин,—вы ведь 12-й вагон ремонтворили?

В Муроме он тепоно. Буксы у него поучились.

Закарчук хмурит брови, смотрит на ребит-градников, словно спрашивая каждого: «Мя стока на подшпинника?» и потом говорит Агаликину: — Ладно, Выясним. Будь повока!

ЕВГЕНИИ АБРОСИМОВ

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Сверхскоростные поезда

Товарищ Юлий Берн!

Высокий человек, с веерообразной бородой, в длинном куртке, оглушил. Знаменитый автор фантастических путешествий стоял на краю тротуара. Засевшие на крышах круглые жерла прожекторов вырисовывали на площади огромные потоки света. По гладкому асфальту лодки, расчерченные блестящими, как сабля, рефлексом, длинными цветные домини травма, сноулабы быстроходные авто. Слева, на перекула выдвинулся отряд вагонетных детей, появившихся красными галстуками.

— Где а? — спросил Юлий Берн у своего спутника. — Куда исчезла Эйфелева башня? Разве я не в Париже?

— Заняться терпением. Скоро вам все будет ясно, а пока пойдете со мной.

Через две минуты они вступили на движущийся верх тротуара. Пассажир шёл за ним. С тизмом, едва заметным колебанием движущийся тротуар бережно поднимал их кверху.

Они вышли на широкий, выложенный разноцветной мозаикой проспект перрона.

— Товарищ Юлий Берн, мы едем в Москву. Под высокими стеклами, узурпаторы сводами зальра горист. Ребята окружили Юлиа Берн. Носильщики в белых халатах развлекли на автокара, натурных чехомандия, баулами, саквожамы. Пассажир готовился к приходу поезда.

Треугольный, блестящий, как будто сухой материал, рельс перевернула перрон на две математически равных части. Выравнился с перрона, рельс устремился к двум противоположным сторонам горизонта, повиснув на опорах над зеленой долиной.

— У вас олдико большая семья, — сказал Юлий Берн. — Но, по-моему, они проваляют больше меня, чем вас.

— Вы ошибаетесь! Это не мои дети, а пассажиры. Продолжат они вас, так как любят ваши книги, полные boldости и увлекательной веры в технику.

Неожиданно забилась электрическая трель звона. Издали пробужда сверхзвуковая линии отгей. Звоним, гудим тоним зашел рельс. Длинный ситрообразный корабль, порывившись с перроном, застал. Блестящие в торце лопастей воздушного винта, слева несколько оборотов, остановились. Мягко раздвинулись шарпирные металлические двери. Засияла надпись:

«Станция 64 — Ташкент — Москва».

Пассажир, не суетясь, входил в вагон. Сверхкашор зов багажного отделения проглатывала многочисленную калды.

Темный круг с фокфорсирующим делением и стрелками показыва время. Романсит запомнил:

«Восемь часов без двух минут».

— Отправляется через минуту, — пробиска громоговоритель, когда Юлий Берн со спутником открывали дверь своего купе.

Дале-то завелена высокая нота. Наружные де-

ри пришли в движение. Полади глухо заскриптают мотор, и перрон, заневавшись, стал уходить к боку. Замельная лица, а через минуту, набирая скорость, поезд вырвался за пределы освещенного города и врезался в ночь.

Странное ощущение омыло Юлиа Берн. Он видел, с какой быстротой мелькали сады, строения, уады, но не чувствовал скорости. Вот уже газ перестал различать близкие предметы, сбоку выла сплошная стена, и только огромный желтый диск луны, поакая, белая вровьис с поездом.

Мерное, успокоившееся жужжание залювало вагон. Одно мгновение Юлий Берн почувствовал, что он затонул на своем «Наутилусе» на большой глубине, а луна — даже не луна, а извлекемое морское чудовище, мчащееся в погоне за светящимися звездами. Все было загадочно и непонятно. Из «коридора» доносился спокойный разговор, тихая звезда поезда.

В дверь постучали.

— Войдите! — воскликнула Юлий Берн и встал, ожидая, что появится еще одна неизвестная.

Он только несколько минут прожил в этом вагоне, влище поезде на «Наутилусе», но эти минуты были необычайн, чем его фантастические видения.

«Неожиданно» пришла в образе обыкновенного официанта с подносом в руках, на котором стояли кофейник, торта бучолек и две чашки.

— Мы будем пить кофе, и я построюсь все сразу сказать.

Старик, поудобнее расположившись на кожаном диване, приготовился слушать.

— Я — Александр Деметрис, инженер, — наполнил чашки кофе, сказал спутник. — Я уже вас в это путешествие, чтобы показать, как становится реальным, казавшиеся дурными и невозможными мечты. Позвольте немного истории.

«В 1897 г. на выставке в Брюсселе демонстрировался макет сверхскоростного поезда. Многочисленные посетители перакала возмущавшаяся над землей аставад, по которой молнией проносился поезд. Это было творение инженера Бера. Тогда, как вы очевидно помните, между Дюверном и Манчестером предполагалось провести дорогу по проекту Бера. Но предостановило поезда Владимир Ильич Ленин: «Проект такой дороги между Манчестером и Дюверном не получил утверждения парламента только вследствие колдистного противостояния железнодорожных тузов, боющихся разорения старых компаний».

В наши двадцатый век, в начале тридцатых годов, германский конструктор Крукенберг пытался сочетать дирижабль с железной дорогой, т. е. образно говоря, «подать цепями на рельсы». Опыт удался — вагон-цепиная кузовщина между Берлином и Гамбургом, покоряя 230 км в час. Однако такая скорость была не по-палецу

железной дороге. Техкозидные говарные поезда, делавшие 40—50 км в час, на время прохождения крутиберговского заземленного дирижабля становились на замыслах пути. Они только сверхскоростный цепиный дирижабль с невиданной быстрой пространств между Берлином и Гамбургом. На разезде утром стоял поезд с потухшими огнями. Железнодорожному графику был сломан хребет. Скорость «цепиная» на рельсах пришлось поубавить. В результате вместо 230 — 150 километров.

В Америке в те же годы был разработан проект «Юнион пофисив рейлрод». Американские газеты гордо возвестили миру о наступающей новой эре в транспорте. Длинный сверхскоростный поезд должен был показывать двойную быстроту европейских поездов. В Америке вылетел селес «Лугуэй Гельтенгер» пробегая 115 км в час. «Золотая стрела» а Пенсаляван (САШ) — 96. Наш советский экаирес «Красная стрела» — до 100 км. А сверхскоростный «чверья» американской компании — до 175 км. Весь поезд — три вагона. Алюминиевый брестет. В Америке вылетел селес «Чернув» прилада обтекания форма. Начальная скорость ветра во время урагана немилости больше 100 км. Скоростный поезд мчелся в два раза скорее. Человек, опавший на рельс за тысячу метров от поезда, гибнет, ибо его эрение не успевае передать в сигнал опасности и привести к действию тормуза.

Ставо быть нужно отделить поезд от земли, построить барьер между остальным движением и поездом. Одним из видов такого барьера является поезд из астады. Именно по этому пути поеш корабль «Вальдьер».

На железобетонной астаде, на высоте 6½ метра укреплен рельс. Поезд сидит на рельсе, как всадник на лошади. В следобаронную углубленную аэроплада скрыты комеса. Снаружи их не увидеть. Колеса спрятаны под перекрытием, крепко спаянными два вагона в одно органическое целое, в ту же минуту, на оба стороны, они аралдны в бали де метамаллические ленты. По ним скользят бегунки. Колеса и два бегунка — треугольник устойчивости поезда.

При развитии скорости «под седло» поезда завирется сильная струя ветра, образующая воздушную подушку. Она отодвигает селес поезда, который больше скользит по воздуху, чем по рельсу. Аэропоезд Вальдьера превращается в бескомый корабль, толкаемый вперед двумя пропеллерами, в котором бегунки — своеобразные направляющие рули.

На аэропоездах или при сильном боковом ветре, когда сверхскоростные поезда другой системы могут усложнить с рельсов, аэропоезд Вальдьера только слегка приподнимается и опускается, как аэроплан на крутых поворотах. Удвоенное разведение треугольника устойчивости увеличивает возможность кружений, катастроф. Треугольник устойчивости конкорет устойчивости силу.

Несмотря на свою недостижимую для обычного поезда быстроту, аэропоезд берет второе большее поды, чем первый.

Если даже во время бего сверхскоростного аэропоезда сложилось колесо или лопнула ось, это не грозит катастрофой. Над комсами расположен предохранительные стальные балкиши с амортизаторами. На них и слдет поезд.

Оригинально придуманы тормозы. За несколько десятков километров до остановки по расписанию бескомый корабль постепенно свистает. Из специальных камер высасываются комеса, обрестает плоскостями, сопротивляясь встречному течению воздуха. Одновременно с ними начинают действовать комесные тормозы, бегунки присасываются к лентам — аэропоезд останавливается.

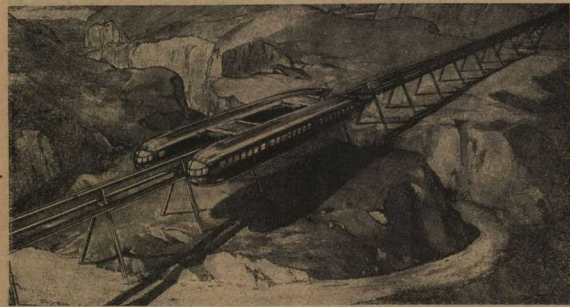
Зимой полотно дорог заносится снегом. Температура скорости падает. Аэропоезд Вальдьера не страшна заносы, ибо рельс вилит в 6½ метрах от земли.

Далеко за Полярным кругом, в вечно промерзлой тундре, железобетонные магистральи не проведены — аэропоезд наилучшее средство сообщения.

Железную дорогу через пустыню проложить очень трудно. Движущиеся пески засыпают пути. Астада расположена над землей, песком до нее не добраться.

Путь для аэропоезда зимой невозможен дорожке пути для железной дороги. Но выгоды от аэропоезда велика! Люди и грузы неизмеримо быстрее перебарываются с места на место. Огромная экономия в средствах, времени, затратах энергии. Вагоны с железнодорожными вагонами, железнодорожный уголь, руда, можно разгрузить с максимальной быстротой. Аэропоезд, грузящийся, скажем, зерном, становится над бунером, расплавившись илние створки, и след проваляется вниз.

Аэропоезд весит значительно меньше железнодорожного вагона. В аэропоезде на одного пассажира

Аэропоезд Вальдьера, толкаемый вперед двумя пропеллерами, мчится по астаде с быстротой 300 километров в час

приходится 200 кг. мертвого веса, тогда как на вуальновском — 2 тонны.

Не надо возводить мачт и подвешивать электрические провода. Металлические листы, шпательные по бокам рельсы, заменяют их.

Скорость аэропоезда 250—300 км. Вместимость вагона — 150 человек. Через каждые 10 минут можно отправлять в одну сторону аэропоезд.

На таком аэропоезде мы с вами, уважаемый товарищ Жюль Верн, сейчас катимся из Ташкента в Москву.

Герои Жюль Верна умели слушать спокойно. Знаменитому фантасту изменила климатология. Вальдбург, он влюблен с детства и рывком к огню. Глаз ничего не мог рассмотреть. Далеко луна исчезла. Вагон не колебался.

— Мы стоим на одном месте, — резонировал Жюль Верн. — Аэропоезд вернется в тотном аэра.

— Напротив, мы мчимся. Сейчас туман. Пойдем к водостоям.

По винтовой стальной лестнице они поднимались в кабину управления. На черной померзавшей доске всплывали разрозненные сигналы. Наружние выходы водителя всматривались в спидометр. Аэропоезд делал 300 километров.

— На этой доске, — показал Деметьев, — вы видите боковую сцепляющую чертону. Она представляет чертону — шаг аэропоезда. Сзади вы видите вторую сцепляющую чертону. Это другой поезд, идущий за нами. Точно также же доски имеют все водители. Налево висит звуковой аппарат, автоматический предупредительный о всех препятствиях на пути.

— Аэропоезд выигрывает из тумана; далеко вперед они увидели серебристую сигару дирижабли.

— Дирижабль идет с нами в одном направлении, — в Москву. Мы прибудем туда раньше, чем вы. Мы обгоним его. Его скорость—150, наша—300.

— Товарищи пассажиры, — забасила громоговорительница, — приступайте. Через пять минут Москва.

Жюль Верн взглянул на часы. 9 часов 5 минут. Аэропоезд путь от Ташкента до Москвы совершил в 13 часов.

Недра московского метрополитена изрывают десятки тысяч людей. Человеческий поток туч, как река, валит. В этом потоке нет воздуха и порока — все поворачивается сигналами светофора.

На Комсомольском плацдарме, обсаженную тремя крупными вокзалами Союза, услышал Жюль Верн с Деметьевым.

От усталости просторного vestibula Октябрьского вокзала отразился из фигур.

У входа на перрон выжила надпись: «Поезд № 73, Мурманск, отправляется в 10 ч. 20 м.»

— Это наш поезд, — повисла Деметьев, пожав плечами, влюбленный в жеманное непонимание круглых чудовищ, пожелав на прощальное приветствие. Вагоны цилиндрической формы были сцеплены друг с другом так крепко, что, казалось, составляли одно целое. Над поездом таялись тучки.

Жюль Верн и Деметьев вошли в уютный голубой коридор вагона и, поглядев по ступенькам в куле, опустились в глухоже кресла.

Через несколько минут сомкнулись двери и поезд, словно глася с места, начал поворачивать стационарные постыбики. Поток без удержания, и поезд вырвался в решотчатую трубу.

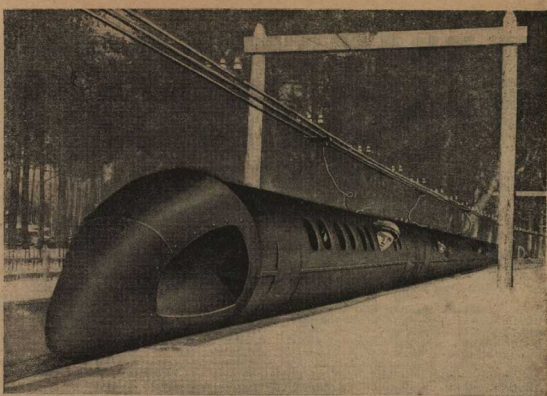
Будни в поезде начались завтраком в вагоно-ресторане. За столиком начал свой рассказ Деметьев.

— В 1911 году профессор Вейнберг проделал лабораторный опыт в Госкомтехе технологического института. Из цилиндрической трубы был выкачан воздух. В трубе на определенных расстояниях располагались электрокатушки. Вагон, в форме цилиндра, помещенный в такую трубу, по испытанию сопротивления воздуха, перемещался от одного электрокатушки к другому. Вагон двинулся, не соприкасаясь с оболочкой трубы. Географическая скорость такого сообщения до 10 тысяч км в час.

В 1924 году студент Московского института инженерного транспорта Ермольчук отыскал новый принцип сверхскоростного поезда.

Полнокоординатная система основана на взаимодействии колеса и рельсы. В шаровом колесе нет. В нем два кольца ватки, колесо на арматуре со срезамиными лопатками, внутри колесо помещены моторы. На такие два кольца пассажиры шароватон. Каждый вагон почти такой же величествен, как и вагон.

Шароватон катится по лотку из мягкого баулата. Корпус шароватона стальной. Над шароватон висит электродорожка висит две прорезывающие силовую трубку, внутри которых движется ток. Соединяет стальной стальной шароватон катков. Каждый вагон не зависит от другого, так как электродорожка равномерно распределяется

Шароватон Ермольчука мчится по лотку. Его скорость достигает 250-300 километров в час

по всем моторам. Шароватон — самостоительно движущийся единица, шароватон — соединение таких единиц, его можно составлять из любого количества шароватонов.

Вспросил и лотки шароватона являются для уменьшения сопротивления обтекаемости плоскости, походы на голову аэри.

Шароватон более устойчив, чем плавникопоезд, так как лоток и катки имеют боковые точки соприкосновения, тем колесо и рельсы. Он с легкостью преодолевает ухабы. Пассажиры не испытывают неудобств. Чем больше скорость, тем больше устойчивость. Скорость шароватона 250—110 км в час. Вагон очень вместителен — 110 мест. Система тормозов почти такая же, как и в аэропоезде.

После сооружения аэропоезда и шароватона такие города, как Ленинград, Казань, Киев, Харьков, стали пригородами Москвы. Москва, уходя в Казань, тратит на это столько же времени, сколько надо было на поездку в Загари.

Между Магнитогорском и Сталинском ежедневное курсировало 346 составов. Теперь их заменят 38 сверхскоростных поездов.

На 90 проц. сократилось количество шароватонных заводов и депо. Отпала необходимость в многочисленных стационарных постройках. Для обслуживания сверхскоростных поездов потребовалось меньше рабочих, чем для железных дорог.

Кроме того, легкие сверхскоростные и пассажирские поезда с графика благоприятно отразились на работ железных дорог — второе помыслили трубопроводы.

Сверхскоростной поезд—большое приобретение нашего времени.

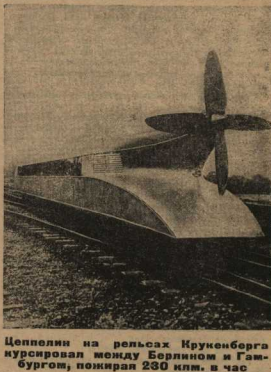
Отныне нет окривости. Стоимость проезда низка. Каждый гражданин Советского союза может позволить себе прогулку в любой город. От Москвы до Владивостока вместо прежних 11—12 суток — 40 часов! Быстро, скоро и дешево.

Скорость шароватона не опасна для окружающих. Во многих местах жлоб шароватона отторжены вывесками заборы, а отдаленных местах они заключены в трубу.

В капиталистических странах идея сверхскоростного поезда потеряла бы смысл. Денежный капитал, имеющийся огромные средства в железные дороги, неважно сверхскоростного поезда. Только в отдаленных случаях сверхскоростный поезд получает права гражданства. В Америке компания «Юнион пасифик» реорганизовала проект сверхскоростного поезда, чтобы погубить своего конкурента-автомобильников.

То, что не могли сделать капиталисты, осуществил коммунизм. Сверхскоростные поезда позволяют разрешить проблему быстрой переброски людей и грузов...

Шароватон замедлил ход. Глаз постепенно различал отблески наезда дельты, заропозненные рельсы. Из Ленинград шароватон вступил в колесо. Промчалась только 2 1/2 часа. Командир шароватона ядала денши. Из Мурманска шароватона ядала денши. Из Мурманска шароватона ядала денши.

Цеплялись на рельсы Крукенберга курсировал между Берлингом и Гамбургом, поирая 230 кмн. в час

мника предупредил, что в пути выпала снег. К голозе шароватона прикрепили снегоочиститель, и он, набрав скорость, помыслил к рельсам Дельтовое оксиды.

В перспективе очень возник дельный вид. Деметьев выгадался. Угромы, селая вакам Лолодотного оксиды накатывались на берег.

— Здесь, — тихо сказала он, — тысячекратно кочевали немцы. Вена шла размеренной чередой — день вчерашний был похож на день сегодняшний. Теперь на этом безлюдном месте вырос социалистический город. Большевистская смелость оживила эти мертвые места. То, что казалось недостижимым вчера, сегодня достигнуто, осуществлено. Недалеко то время, когда и на Северный полюс можно будет добираться с такой же быстротой и легкостью, как мы с вами в Мурманск из Ташкента. Мысль социалистического человека идет вперевод со сверхскоростным поездом. Походите со мной к началу поезда, вы посмотрите, как шароватон сам чувствует себе уютно от снега.

Ответа не последовало. Деметьев быстро посмотрел туда, где сидел минуту перед тем Жюль Верн. Кресла было пусто. Ставший фантаст похукило томо так, как его герои. Он пошел в гонимую минуту...

ДИНАМОВЕЦ № 4

ФИЗИКУЛЬТАЗЕТА ЦС «ДИНАМО» И «СМЕНИ»

ДИНАМОВЦЫ В ВОЗДУХЕ

Трудно на карте равнины Неме. Она заброшена на север, в лес Горьковского края. И сабнито, которого оживили, собрал на дужайке за ожившей поты всех жителей.

Ждали с радостным нетерпением и опаской. — Момент, но автиса в такую даль? Момент, случится несчастье в пути? Но вот ветер принес сверху еле уловимый рокот. — Летит...

В небо бодро гулея самолет. Слева в воздухе крут, летит осматривая неботные строения обрестности Неме.

Взвизг вылезались аме авиамона колхозников Неме, вышедших навстречу. А за кистром вынесодес извивалась хлебный обоз.

Рядом с обозом четко вырисовывалась опознавательная авиаротная икона.

Новая посадочная площадка гостеприимно готовилась принять первый самолет.

Самолет стремительно ринулся вниз. Казалось, он взорвется провалом земною. Но нет! Над голыми выжатыми холми он вновь набрал высоту, вновь ложился на крыло, брал горки, кружил мертвые петли...

Этот первый на Неме самолет был вестником проникновения социалистической техники и культуры в глубь медицинской лесного края, предвестником мощного развития исполкомской авиации, быстрой связи, оперативнейшего руководства. И когда наконец тонкокрылая машина впервые авиародила траву новой районной посадочной площадке, все ясно увидели на боку фюзеляжа ярок синешую букву «Д».

Самолет из горьковской динамовской авиошкола прилетел в подшерстный холмик.

А подшерстный холмик вместе с форочем — райческой «Динамо» — встречали гостя десорочным хлебным обозом, новой, в общественном порядке сделанной посадочной площадкой...

Обычно про летчиков говорят: «он с детства мечтал о полетах над крышами и лугами». Я тоже с детства мечтал о крыльях. Девочкой я вынюхивала всякому урчащему из полководника голубку, высоко рожую стрелу и даже... ворону. А сейчас я — летчик. Видите эти голубые летания с серебряными крыльями?»

15 апреля я с волнением пошла на медицинскую комиссию.

Берно, я даво член «Динамо», выживаю физкультурой, сердце бьется ровно. Но вдруг! Мало ли что бывает!

Комиссия решила: — Ноня Изивова для приема в авиошколу по состоянию здоровья годна.

И с тех пор ежедневная учеба! Так рассказывает динамовка, летчица-комсомола Ноня Изивова

Сейчас Ноня Изивова уже совершила положенное число самостоятельных полетов, даво сама теорию. Ноня — летчик второго выпуска авиошкола горьковской пролетарского спортивного общества «Динамо».

Приказ председателя Центрального совета «Динамо» г. Ленинграда гласил: «Динамовцы должны овладеть авиотехникой без отрыва от основной работы».

Из ничего создавалась авиошкола. Не было ни самолетов, ни помещений, ни даже учебников. Но было страстное желание овладеть авиотехникой, овладеть воздушными просторами.

Была работа весна 1932 г. По всему краю начался сбор средств на строительство своих самолетов. Весной приехал первый У-2. Приехали инструкторы, приехали друг горьковской динамовцы Б. Г. Чуховский.

Он помог молодой школе советом, огромным опытом.

Первый самолет был собран своими силами. После основной работы вечерами участи с интересением следили из авиародом. Сначала смотрели и изучали машину. Сделали за полетами инструкторов, потом летали пассажирами.

Тут же на аэродроме ночевка, чтобы не упустить утренние, годные для полетов часы. А днем общная работа.

9 октября 1932 г. впервые самостоятельно вылетели молодые динамовские летчики — Баниковский, Емельянов, Стучак.

Сейчас авиошкола горьковской «Динамо» — лучшая динамовская авиошкола в Союзе.

Ее итоги — около 4000 полетов, свыше 600 налетанных часов. За крыльями ветерана динамовской авиации У-2 уже 3000 посадок.

У школы свой самолетный парк, над испытательных инструкторов. При авиошколе выросла планерная школа.

Самолеты с синей буквой «Д» стали известны не только в своем Горьком. Динамовские самолеты неоднократно совершали полеты по краю.

Они побывали в залах Котельничих, Пугачевские и Неме, в Чебоксарах, Арамассе, в других районах края и даже в Москве.

К радостному сабнито — прилету самолета — динамовцы выи местая вместе с подшерстными колхозниками готовили подарок — посадочную площадку.

Вель посадочная площадка — это непрерывное усложнение мощной сети советской авиации.

На параде а день авиации над городом режало динамовское авиозвено. Но главне званя прилету от ЦС — авиетка «Динамо» на-чеку.

Горьковцы любовались учречным машинами с трибуны бело-голубого динамовского стадиона.

Участники военизированной динамовской эстафеты проходят по бровну

Руководителя динамовской авиации в Горьком гг. Абухова и Корытова говорят: — Собираем средства на авиашколу им. т. Ягодина, а авиошкола произведет летный набор...

Динамовцы — пионеры спортивной авиации. Динамовской авиации нет еще двух лет, но уже по всему Союзу разобраны динамовские авиошколы.

Они живут напряженной жизнью. Без отрыва от основной работы, мобилизуя внутренние ресурсы времени и средств, чекыста-динамовцы завоевывают воздух.

л. Линьков

ДИНАМОВСКАЯ ХРОНИКА

Ленинград. В 1-м обществе «Динамо» орга низованы группы из числа недолетавших по аэро вому в слаче моря на авиачок ГГО. Эти группы приступают к авиатикам физической культуры под регулярным наблюдением врачей. Цель занятия — лечение, а затем и слача моря на авиачок ГГО 1 ступени.

Махач-Кала. 14 динамовцев Детства из 2 гвечих совершили авионизированный поход по рыбным промыслам Каспия. За 7 суток пройдею 360 км. Задания ЦК ВКП(б), Дагестанского совета «Динамо» — проверить полетовую про изводку к осенней путине, оказать им помощь и выявить выносливость динамовцев и способность их ориентироваться в условиях морского похода — выполнены с успехом.

Таганрог. Таганрогские динамовцы на 4 яхтах совершили по побережью Черного моря поход Таганрог — Новороссийск. Успешными похода в соответствии с заданиями «Динамо» проведена большая организационная и методическая работа.

Ростов-на-Дону. Дан старт велокожиде из 20 динамовцев и рабочих-физкультурников подшерстного им Агасбекова по маршруту Озьяножикваде — Тифлис — Батум — Сочи. Команду сопровождает специальный вагон с аэриометрическим кабинетом и рядом вспомогательных средств. В основных пунктах маршрута будет проведена углубленная научно-исследовательская работа.

Задача похода: проверка влияния длительного велопохода в высокогорных условиях на организм человека; массово-политическая работа на ж.д. транспорте и по хабославу; ознакомление с работой динамовских организаций и практическая им помощь.

Подшерстный холмик встретил самолет новой посадочной площадкой, сделанной в общественном порядке

ОТКРЫТИЕ РЕКОРДОВ

На письменном столе стопка иностранных спортивных журналов и газет.

Вернувшись домой в салютный октябрьский вечер ставший инструктор стрелкового клуба ЦС «Динамо» Буагнин отобрал из стопки два журнала и улегся на кушетку.

В журналах шла речь о предстоящих в Грине мировых стрелковых состязаниях. Буагнину нравились в это отдаленное полуостровное село, рисунки, выношенные фамилии. Ну, а дальше? Союзник-словарь бессилен помочь Буагнину. Саншюком велик проба в знании французского языка.

Буагнин с досадой перевернул страницу и увидел цифру. Стало веселее.

«1929... Стокгольм... Гартман—1,114.
— Да ведь это мировой рекорд по боевому стандарту,—догадался Буагнин.
Он впился глазами в строчку.
1929... О. Эрикссон... Шведия 197... 20... 100...
— Стой!—крикнул Буагнин и вскочил с кушетки.—Мировой рекорд из мелкокалиберной винтовки 20 пулями на 100 метров 197 очков... По какой же мишени?

Сердце инструктора учаженно забилось.
Он вытаскивает аккуратно папку с надписью: «Союзные стрелковые соревнования, посвященные 10-летию ПСО «Динамо», 17—25 июля 1933 г.»

Спустя минуту солдатик, чрезвычайно удивленный Буагнин перекувырнулся, сделал стойку и завертелся по комнате.

В руке у него трещала винтовка. Маленький, испытанный сулик киндшверном портелем, этот листок зарядил Буагнина бешеным еселем.

Под рубрикой «Млк винтовка 100 метров леж.—20 пуль—мишень № 5 международно» было написано:

«Кассин—Ленинград—197 очков.
Рыжов—Ленинград—198 очков...»

Это был мировой рекорд—первый в истории советского стрелкового спорта.

Буагнину хотелось тогда же известить товарищей о своем открытии. Но до утра было еще далеко.

Он сидел за столом и вспоминал, вспоминал... Чуть возмуж, надо получить салют... Вдруг из памяти пришла, что в одном из номеров немецкого спортивного журнала «Kugel und Schrotts» за 1929 г. подробно описаны последние мировые стрелковые состязания.

Комплект журнала был в шкафу. Буагнин достал его быстро, сев читать. Ага, вот она! Вот и столбик из 17 строчек. Первая фамилия знакома: Эрикссон—197. А дальше еще 16 лучших стрелков мира. «Если сравнить их результаты с нашими»—спросила себя Буагнин.—Выдержат ли 17 динамовцев перед этим семидесятью?»

Но дома у него не было всех материалов.

Военизированный переход горьковских динамовцев на №10 километром. На стрельбище

Они были заперты в письменном столе в Центральном совете.

Буагнин повалаась часок в постель, но сон не шел.

Тогда он оделся, заснул в карман номер немецкого журнала, вышла на улицу и шагала по лужам в Центральной совете.

Дожурный долго не хотел открывать двери.

Наконец он пропустил Буагнина, но внимательно посмотрел ему всад: не кажется ли посетителю?

Инструктор шел по коридору твердой походкой. Сведения быстро отсыскал. Агусте сравнение «на-глаз» говорило как будто в пользу динамовцев. Но наверное сказать еще нельзя было.

Общая сумма очков мировых стрелков равнялась—3,266. В среднем на стрелка 192,1 очка.

Динамовский итог снова едва не вышел из равновесия Буагнина. Он не поверил и еще раз пересчитал. Нет, сомнения быть не могло. Динамовская цифра была—3,287, то есть 193,4 очка на стрелка.

5 москвичей, 3 ленинградца, 2 западносибирца,

2 украинца, 2 кавказстанца, 1 из ЦЧО, 1 восточносибирец и 1 представитель Западной области побил в равных условиях 5 шведов, 4 норвежцев, 2 американца, француза, швейцара, финна, датчанина, немца и поляка.

Побила цвет буржуазного стрелкового спорта! Возвращаясь домой, Буагнин не заметил пролинувшего дождя.

«А что если рапортнуть,—бормолта он, слабо умибаясь,—что если ахнуть на всю страну?

ЦК ВКП(б)—Сталин,
ЦК ВКП(б)—Ворошилов,
ВСФК СССР—Ангилон,
ЦС Осоавиахим—Эйдман,
Стрелковый комитет—Каменев.

Вильгельм доля партии и правительства, क्या оборотоспособность! Стрелки советские, динамовцы в день 10-летия своей организации дожали и переломали!

Впрочем, он лучше умел стрелять, чем составлять рапорты.

М. ЛАВРЕНТЬЕВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВСФК

Наиболее отсталым участком нашего физкультурного фронта несомненно является деревенский. На сего отсутствуют инструкторские кадры, нет хотя бы простейших спортивных площадок, не хватает спортивного инвентаря и не хватает организации средств.

Организационно-учебный отдел Центрального совета «Динамо» учел все эти отрицательные стороны работы своих районных звеньев и надал для них в 1931 г. «Руководство». Письмовод на ряд недостатков, эти книги были хорошо встречены и безусловно принесли большую пользу. В этом году вышло в свет 2-е издание «Руководства», значительно исправленное и дополненное по указанным мест.

«Руководство» ставит себе задачей направлять районные звенья, как наладить у себя физкультурную работу, оборудовать с затратой небольших средств спортивные площадки, как использовать своими силами простейшие спортивные器材. Содержание книги (в ней свыше 300 стр.) чрезвычайно разнообразно: здесь и положение о райСФК, о значке ГТО, уквении по стрелковому спорту, по всем видам винной и легкой физкультуре, сведения по охоте и рыболовству, по уходу за трактором, по врачебному контролю, самонаблюдению и т. д.

Освежая ценность книги—это ее практический работы в деревенской обстановке.

Мы поднимаем вопрос перед ВСФК об издании в массовом порядке такого же «руководства» для физкультурных организаций секторства Аграрии.

В основу его должно быть положено проверенное на опыте динамовское «Руководство».

Млад ответа от ВСФК

Терение динамовцы в колхозе «Красный Партизан». Отдых после работы

ДИНАМОВЦЫ НА ПОМОЩЬ СОВЕТСКОМУ АВТОСТРОЕНИЮ

Красковский пробег внешне показал блестящие качества советской автомашины. Но в это же время он вскрыл ряд недостатков, серьезных недостатков некоторых деталей и оборудования, вытекающих с необходимостью из производства—поставщиками автозаводов.

Горьковское «Динамо» уже около двух лет в порядке физкультурного шествия активно помогает Горьковскому автозаводу в борьбе за советскую автомашину. Сейчас оно подняло вопрос об организации всесоюзного соревнования заводов смежных производств—поставщиков Горьковского автозавода и тех объектов «Динамо», на территории которых заводятся заводы-смежники.

При Центральном совете «Динамо» организована Центральная штаб для руководства этим соревнованием. В областях, краях и республиках, на территории которых имеются заводы смежных производств, организованы областные, краевые и республиканские штабы; в Москве, в которой 13 заводов-смежников Горьковского автозавода, организован специальный городской штаб.

Организационная работа уже развернута полным ходом. Проводится непосредственная практическая работа на производстве, в цехах.

Вяжут на себя задачу динамовцы Союза выполнять с честью.

В. АЛКАЛАЕВ

ВЕСЕЛАЯ ЗИМА

Караду с развитием основных видов зимней физкультуры мы должны обогатить ее новыми разновидностями зимнего спорта.

Комсомол должен стать своеобразным наркоматом культурного отдыха — указал т. Косырев на собрании Ленинградского актива комсомола. В условиях предстоящей зимы это значит, что мы должны использовать все многообразие спортивных развлечений, чтобы сделать зиму веселой. У нас, в СССР, в этом отношении неисчерпаемые возможности. Наша страна, ведущая в целом ряде отраслей культуры и народного хозяйства, должна стать ведущей и в области зимнего спорта.

Полет инн. Крупна на лыжах с крыльями

Рис. 1 (Австрия)

Наша боковая задача — ввести в обиход досуга многие спортивные «новинки», которые уже получили распространение за рубежом. Коньки, лыжи, сани надо сочетать с парусным, планерным, парашютным и мотомеханическим спортом.

Покажем на примерах, что же могут сделать комсомольские организации для обогащения физкультуры новыми видами зимнего спорта.

ЛЕТАЮЩИЕ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ

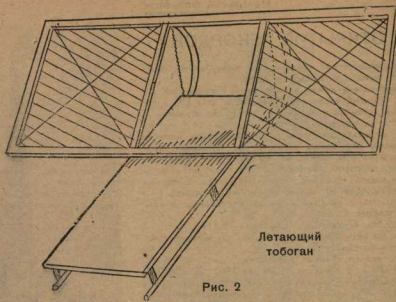
У советских самолетов должны быть юные пилоты. Лучшим средством подготовки будущих пилотов является планерный спорт. В 1933 г. у нас было подготовлено 30 тыс. планеристов, в 1934 г. — 100 тыс. Но у нас на сегодня миллионная армия лыжников и горно-саночников, не имея ли их вооружить навыками будущих пилотов?

Комплекс испытаний на значок ГТО 2-й степени включает обязательный прыжок длиной в 8 м на лыжах с трамплина. Обычно лыжники-прыгуны в Московском парке культуры и отдыха прыгают на 15—16 м. Мировые же рекорды достигают 70 и больше метров. Это уже полет, и если бы прыгающий лыжник был снабжен еще крыльями, то он мог бы сделать свой полет планирующим, пролетая 200 и больше метров.

Лыжники уже так летают. В Австрии инженер Йосиф Крупа на горе Тауау, близ Вены, продемонстрировал полеты, сочетающие лыжный спорт с планерным (см. рис. 1).

Идея сочетания лыжного спорта с планерным осуществляется в у нас. Ряд конструкторов уже разработал проекты крыльев для соединения лыжников по воздуху после прыжка с трамплина. Мы даем чертежи таких крыльев.

Но летать можно не только на лыжах. Авносан (именно так, а не авросан!) дает блестящий образец сочетания горно-санного спорта с планерным. Чтобы прыжок поднялся в воздух, его залучают при помощи лебедки или на буксире у автомобиля со скоростью максимум в 30—40 км в час, в то время как обычно сани, спускаясь с горы, развивают скорость в 80—90 км в час. Если при постройке сани учесть, что такая сила разгона выбросит сани с трамплина на большое расстояние, то, советая их с искусным поворачиванием в виде крыльев, можно значительно увеличить дистанцию прыжка-полета. Так, в Канаде американцы Китинг и Тронн при разгоне в 60 км в час пролетали на санях с крыльями 30 м. Если не трудиться проработать конструкцию авносанов, то эта дистанция может быть увеличена десятикратно, во всяком случае нет никаких оснований

Летающий тобоган

Рис. 2

сомневаться в технической осуществимости этой проблемы.

Мы даем на рисунке 2 летающий тобоган, который с успехом может сделать каньон комсомольская ячейка, на говоря уже о парках культуры и отдыха.

Советская физкультура должна подготовить кадры водителей самолетов. Сочетание лыжного и санного спорта с планерным является лучшим средством для этого.

ВСАДНИКИ ВЕТРА

Немножкий интерес представляет использование ветра. Ветер дает возможность лыжнику и конькобежцу развить значительно скорость. Если лыжник в лучшем случае развивает среднюю скорость в 10 км в час, то при значительно меньшей затрате мускульной энергии он может достигнуть с помощью паруса скорости в 30—35 км в час.

В Швеции, стране классического зимнего спорта, на озерах и снежных равнинах мечтает сотни любителей лыжно-парусного спорта, при этом не только по ветру, но часто и при встречном, ида нанеском. Лыжно-парусный спорт у нас, в СССР, до сих пор носит случайный, неорганизованный характер. Между тем у нас все данные для его осуществления. Большинство парусов можно сделать своими средствами.

На рисунке 3 мы даем изображение простейшего паруса «летучая мышь», который можно сделать из парусины и даже простыни. Лыжник, сделав несколько шагов для разгона, расстывает ружь, натягивая парус, а дальше его уже движет ветер.

Парусный спорт может найти не менее широкое применение и на конь-

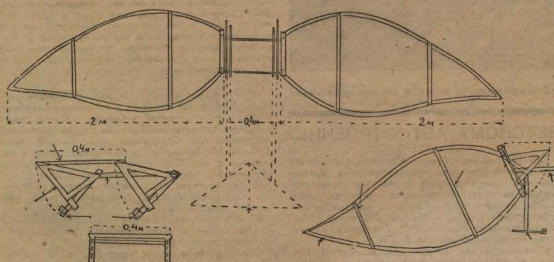
ках. В Швеции, Голландии насчитываются тысячи любителей конькобежно-парусного спорта. В Голландии конькобежно-парусный спорт имеет и прикладное значение, давая возможность при минимальной затрате энергии пройти большие расстояния по ледяным просторам рек. На рисунке 4 мы даем момент массового выезда любителей конькобежно-парусного спорта. Парус, сделанные из брезента, парусины, полотна, натянуты на деревянные рамы, их чрезвычайно легко сделать и у нас.

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ, ЗА МОТОР!

Не менее интересна моторизация и механизация зимней физкультуры. Здесь задачи физической культуры удачно сочетаются с задачами культуры индустриально-технической. Комлекс ГТО 2-й степени предусматривает обязательное знание одного из видов мото-механического транспорта — умение управлять мотоциклом, автомобилем, самолетом, трактором, умение разбирать мотор.

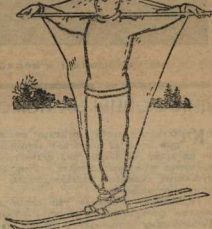
В деле моторизации и механизации физкультуры большие достижения у спортсменов «Динамо», которое, благодаря тому, что физкультурники стали изучать автомобильный и авиационный мотор, научились управлять им. Воздушная армия динамовцев уже насчитывает сотни пилотов.

Интересный опыт использования воздушного винта для конькобежного спорта имел место в Швейцарии. Там был очень удачно сконструирован маленький бензиновый мотор на алюминийевой трубе, на другом конце которой был равновесия концы воздушного винта был задан бензиновой бакой.

Чертеж 1

Проект крыльев принадлежит одному из любителей. Проект требует еще усовершенствований и специальных проверки на опыте

Лыжник с парусом «летучая мышь»

Рис. 3

Рис. 4 (Швеция)

Поборостей этой конструкции у нас, к сожалению, нет. Даем рисунок (рисунок 5) конькобежца с воздушным винтом.

Особого внимания заслуживает моторизация лыжного спорта. Так например в Северной Америке на лыже был смонтирован мотор, и лыжник, держась за эту тросовую лямку, как это видно на рисунке 6, развил скорость до 40 км. в час. Идея постановки мотора на лыже не нова, но в спортивном отношении она почти не использована, а над этим следовало бы подумать.

Рис. 5 Конькобежец с воздушным винтом (Швейцария)

В частности особого внимания заслуживает также моторизация санного спорта. Аэросани как средство передвижения по снежным равнинам себя идеалом оправдал. Честь изобретения аэросани принадлежит русским изобретателям. Лучшие в мире аэросани сделаны советскими конструкторами. На мировой авиационной выставке в

Рис. 6 Мотолыжи

Париже советские аэросани получили всеобщее признание.

Для физкультурных целей аэросани могут быть сделаны из дерева, а в качестве двигателя можно использовать автомобильный или отработанный воздушный мотор. Конечно отдельным комсомольцам не под силу сделать аэросани, но для коллектива это вполне осуществимо. Надо договориться с местными авиационными частями или аэроклубом о совместной постройке аэросани колесчатого пользования. Это послужит лучшим средством знакомства физкультурников с мотором, причём их бесстрашно открывать с машины. И наконец наличие аэросани может быть использовано для буксира лыжников, которые могут полагаться по 10—12 чел. скользя за ними по снежным равнинам со скоростью до 80—90 км. в час.

В заключение отметим следующие виды самолетов для буксировки лыжников и саночников. В Канаде на озере Уинет, около Квебека, и озера Трамбал, около Монреаля, эти разновидности лыжного спорта были проверены на практике. Здесь лыжники уверены, что на пути не встретится препятствий, могущих затормозить их ход. И самолет, летая над ровной поверхностью, может лучше маневрировать. От самолета тянутся бусирные веревки, и лыжники, держась за них, скользят по снежному покрову со скоростью в 120 км. в час.

Точно такую же скорость развивают сани-тобоганы с широким полозом, скользя по снегу. Рисунок 7 изображает катание на санях за аэропланом на озере Трамбал (Канада).

Многим моторизация и механизация массовой зимней физкультуры может показаться несбыточной мечтой. Но это неверно. Каждый самолет в нашей стране с началом зимы растет. При этом часть их рассчитана на спортивное использование.

НА БЛЕЯЩЕМ ПАРКЕТЕ КАТКА

Каток — это зимний клуб. На катке должно быть весело.

На катке надо организовать парадки для танцев. Центральный парк культуры и отдыха в престольном городе организует специальную школу для массового обучения танцам на коньках. Максимум в 3—5 уроков каждый, умеющий держаться на льду, сможет научиться танцевать. Но опыт Центрального парка не должен остаться без внимания.

Особое место на катке должны получить всевозможного рода игры. До сих пор у нас знают только игру в хоккей в его скандинавской разновидности. Есть немение интересная и вме-

сте практически легко осуществимая игра — канадский хоккей «бенди», который требует значительно меньшей площади льда и вместе с тем дает большую оперативную нагрузку. Отдельные опыты демонстрации канадского хоккея мы имели в прошлом сезоне, но дальше этого не пошли. Комсомол должен стать инициатором новых игр на катке. Наряду с канадским хоккеем «бенди» нужно ввести «керлинг», «ейтбол» и другие игры. Подробные правила этих игр на катке издавать под руководством «Культуры и туризма», а потому повторить их здесь не будем.

На катке нужно развить прыжки. Прыжки на коньках — замечательный вид спорта. В прошлом году в Центральном парке культуры и отдыха была организована группа прыгунов-хоккеистов. Были даже преданы между ними состязания, но все это носило случайный характер. В предстоящем сезоне прыжки на коньках должны получить широкое распространение, тем более, что прыжки в комплексе ГТО занимают значительное место.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА СНЕГУ

На снежных равнинах кроме лыжных вылазок и катаний на санях можно провести много разнообразных развлечений. Так например большое распространение получила конно-лыжный спорт. Но в качестве буксира можно использовать не только лошадь. В Канаде, в Швейцарии и у нас на севере лыжники используют как буксиры вместо лошадей собак. Организация Осоавиахима уделяет большое внимание развитию служебного собаководства, в частности тренировки ездовых собак. Но для того, чтобы натренировать собаку упряжку, нужно иметь дело с 7—9 и даже 11 животными, а для лыж достаточно одной собаки.

Многие саншаман о снеготупах. Это особая разновидность лыж, известная под названием «эвиджентс». За последнее время канадские лыжники получили широкое распространение, но больше для целей горного туризма, лесозаготовок и т. п. Между тем им можно придать и спортивный характер, применяя для игр. Так например на заграничных стадионах проводятся легковатические соревнования в беге по величому снегу на снеготупах.

Много интереса еще представляют возможности в обогащении советской физкультуры новыми разновидностями спорта.

Больше выдумки, больше развлечений! Зима должна быть веселой!

На санях за аэропланом (Канада)

Рис. 7

ПРИТЧА ПРО ЛЮБОВЬ

До чего же поправалась
Савья Оксана!
Какой бы опутать
Ее бичевой?
Савья вядра за ней.

Но... странно!
У Савьи не выгореало
Ничего!

... Справна Савья
Своим пару,
Справна садочник,

Трость завед,
Словом, стаа
Называется парнем

Савьям лодыря
На вес завод.
Вывало идет —

Пашеровый пышет,
Девчата кричат ему:
— Савич, ий!

Оксана же
Вроде о нем
И не слышит,

Будто вода,
В ухах у ней.
Справна Савья

Свою пару,
Церта, как он
Говорил: «бонжур».

И чтобы натпал
Окончательно шару
Сделаа Савья

Себе манжор.
Вывало придет
На работу, встанет

Как вес, за фрезер,
И час подрал
Гонит шпуюту.

Понито: Савь
Жлако руки
В гриан марать.

... Но нет! Не смотрит
Оксана. Даже
Кланяться Савье

Не стала она.
Сравзу видно:
Серчаат вядра.

И уж конечно
Не влобаен!
... Паюнуа Савья

На это дело,
Паюнуа.

И, вытершись рукавом,
Вместо «бонжур»
Спецовку надела он

И стал работат
В цеху на «во»!
Иван Потапович,

Старший мастер,
Даже не верил
Своим глазам:

— Вымает же в мире
Такое счастье,
Такая

Светлая полоса...
... День работаа Савья.
Два дня.

Три прохидит, четыре дня...
И как-то утром
Приходит Оксана,

Кладет свои руки
На плечи Савь:
— Здравствуй, Савья,

Любовь моя!

Путешествие по Дании

Дания — это три с половиной миллиона жителей и пять миллионов свиней. Копенгаген — это восемьсот тысяч горожан, триста тысяч владеевских.

Копенгагская улица — это прежде всего тихие дворыкие велосипедные парадки. Едет кларк с портфелем, идет корюшка прелесть с базаром, прохаживая в белом плаще дергает локот на голову и неистово крутит ногами, тучиобит с длинной лестницей, взятой наперекос, как рыцарское копыте, промлет в предель между стеной трамвая и автомобилем.

Если на берлинской улице автомобиль-дизель, светящийся все со своего пути, то в Копенгагене автомобиль — скоромное дополнение к велосипеду.

Перед поездкой мне хвалили Данию как самую чистую в Европе страну, которая мет стеной своих домов мылом. В действительности же стены Копенгагена имеют кокетливый вид фабричного города, выросшего в морских туманах.

На улицах часто, но внутри трамвая тридцать от нациданных скуров и билетов. Пахнет сладкой, леновой, медальонной сыростью крепкого куауко-кофеиста.

Какая лень! В гостиные, рядом с кроватно-душиком, проведшийся к дверной задвижке. Потянуть — и дверь закроется сама открылась.

Какая сырость! Краснощекие люди ходят, вооруженные едой. «Смерборд» — ледяной стучащий, космический на ремне черной плечи. «Смерборд» — это бутерброд по-датски, болтуныобит лодки, слушающий гавкало целому нагромождению сестного.

Я ездил с грустной датчан по стране. Мы оставались в каком-то местечке. Мы пообедали в ресторане. Я сделал комплимент мясу, вкусно, изотому датскому желтому мясу. Но датчанка сказала мне строго:

— То, что вы ели, очень вкусно, но это маргарин. Мясо мы вывозим в Англию.

Рур — юнгерта Европа, Билда — оранжерея Евразии. Дания — заводская Воронеж, кладовая одной только Англии. Ее курятник, синяриная и молочный бивол.

Вамеж лежат ее плоские острова около Европы. Но рядом с этой верной, исходящей в размахании и поножовании, беснующейся в турманежании и безработице Европы, какая тихая завод-Дания.

Обратные крутовые течения идут этой заводю. Пухом ее газеты, копирующиеся английские. В них тихие, востех, двенадцать лодок, и эти лодки востех замечательные благоуханные лодки, и в то же время ни в одной стране я не чувствовал себя столь оторванным от мира, как в Дании.

Со столбов газет смотрят на тебя потешные домовладельцы, справляющие золотые свадьбы; уважаемые социал-демократы делают долмактные замечания; благоуханные владельцы поместий говорят снисходительным голосом... Невероятными кажется секундным шапкам и подзаголовкам, при помощи которых репортеры этой тихонькой страны тутаются инсценировать бурную и ослепительную жизнь.

Газета «Социал демократен» гордится своей родиной, кажется, третьей в Европе. Ротация замечательна тем, что имеет долмактные, печатающиеся трехкрасочные картины. Их дают в воскресенье приложении. Я их видел. На одной был торжок с циделами, на другой — лодка на закате, на третьей — пейзаж с короной.

В Роскинском соборе мне показывали гробницы датских королей — Христианов и Эриков. Они лежат по одному в приделе. Есть другие комнаты, датские саркофагов, как мезодовы в камере хремения гавкажи — то королевские текти, дядья, пламенники. Одна из этих тект называется Мария Федоровна. Это — мать Николая Посланного.

На соборной колонне краснеет чертоточка. Здесь мерзавец ростом великанского. Былме всех Петр I, в нем три датчанина. Висит Николай Второй.

Признавал Альфонс Испанский. Хотел тоже отметить. Сторож не позволял.

— Вы, говорит, бывший. Вам нельзя.

Смотреть Данию мне помогала молодая. Средил этой молодой была и патристы. Заметил в некоторых моих оценках ирония, патристы повел меня в музей. Он первоклассный, чистенький, подборая экспонат к экспонату.

Он построен на пожертвования богатейшего пивовара Йоханссена.

Точнейший америк — Том Кристенсен, входя в музей, сострила:

— Это могилка известного пьяницы.

Во внутреннем дворике музея, посреди бассейна, лежит белокаменный скульптура «Марса и матери работы Каба Нильсеня. Это раскоряченная женщина, словно бородавками обсыпанная, полавожаним по ней младенцами, —штук десять минимум. Даже в глаза самых датчан эта скульптура ассоциируется с эпоросом. Это неполохой герб для страны, идущей путь мизантропов свиней.

Как в Аувере бросаются к Везере Милоской, как в Венеции тунится к Дворцу долей, так в Дании турист в первую очередь спрашивает замок Элиор с могилкой Гамлета. Этот замок на узкой длинной косе, врывающейся в Зунд. Зунд — это широкая солонка река, вроде Волги под Слангинградом, и на другом берегу этой реки чуть видны фабричные трубы Швеции...

Мой спутник по поездке посмотрел на Элиор и сказал:

— Могилка Гамлета неинтересна. Этим мотом у нас в Дании штук пять. Копнутесь — найдешь кошкин скелет.

Я заговорила о литературе. Маситте имена скандинавского Андерсена и Брандеса были встречены снисходительной улыбкой. Для молодой Дании — это неинтересные пинажовые делушки. Но в молодой Дании оказалась Андерсен Нексе — человек широкий в плечах и в лице, легкий и ясный старик, — наломанный мизм честерновоного «человека — восхристен».

Андерсен Нексе возут датским Максимом Горьким. Ленин в год эмиграции рекомендовал перевести его «Пела-заповедатель» для рабочих. Книги Андерсена Нексе — это биография социал-демократического рабочего, просветляющая в десятилетиях. Нексе ласково и с верою писал в Советской России в 1917 г. Он приехал к нам вновь в 31-м и совсем нездоров, чтобы вгавнуть, как потраосилое стремительно страна пролинулось.

Родивший пятилетний ударник для Нексе — величайшее чудо. В книге, которую он пишет, «Потомки Пелла» можно учиться быть социалистами около советских станков.

Езжу по Дании на автомобиле. Семинар на колесах.

Спутники учат меня видеть датскую землю, трехкратную сельскохозяйственную Данию.

Вышла же в гермаб и замковых шпимах. Две тысячи дворян-землеладельцев, у которых больше ста гектаров на каждого. У них в руках одна-двух треть всей Дании.

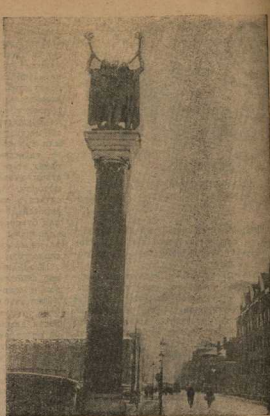
Следующий этап — баурир: восемьдесят семь тысяч бауриров — от десяти до ста гектаров земли. В их руках — две трети всей Дании.

Ниже — хумсцы. Их сто десять тысяч. Под ступи лежал столько же, как под двумя тысячами дворян. Их хозяйство — дом и огоро. Хлеба своего они не имеют.

Однажды, спускаясь от бурала, мы заехали в деревенскую школу для взрослых. Дальше ехать было невыносимо. Даже медно-румяный Юг Ортонсен мой вояж по Дании, вистать и перероцини, — даже он ехався в стуже, не смотря на свое звание великанга. Великанги в Дании называют тех, кто купается в зимних прорубях.

Школа была большая и светлая. В ней стоял зевал коффе и крахмальных сафлетон. На узких столах в столовой лежали зевалки посуды.

Для отдаления было в школе. Одно — общео-

Школа в Копенгагене

разователю, там учились деревенский актив Шюла была основана истором, а сейчас ее владе социал-демократы, и по существу она была ни партийной школой, готовя будущих мелких партийных чиновников, кооператоров, инсимводителю. Не забудем, в датском королевстве связь скандинавской партии — социал-демократы.

Второй факультет школы был несколько ножики датским, — он готовил поворов и притом преимущественно для судовых кабузов.

Меня попросили выступить перед учениками. Я согласился ответить на вопросы. Слушателям сидят на скамьях андими в пустой кафедре и поют тутую песню по песню — социалистический гимн. На нас, вошедших, никакого внимания, пока песня не будет окончена. Директор занимает кафедру, мы с аудиторией взаимно изучаем друг друга глазами. Работы коффе, преимущественно молодые. Женщины много. Несколько людей постарше — тина сельские учителя. Несколько ребятчик физиономий самого что ни на есть космополитического облика. А впрочем, почему бы и здесь не быть сырью для космополит?

Парень зачитывает записанные на булавке во просы.

— Будет ли выполнен пятилетний план?

— Реальна ли военная опасность?

— Какая равнина между коммунистами и социал-демократами, если и те и другие марксисты?

— Как космополиты помогут пятилетке?

— Может ли рабочий получить высшее образование в Советском союзе?

— При каких условиях возможен единый фронт?

Район стето-хумсфолд

На диск положена последняя пластинка

Ф. Малов

КОЛХОЗНИКИ В ГЕНЕРАЛЬСКОЙ УСАДЬБЕ

Катерина одевается перед зеркалом. Светлое платно аэрола обито вышитым полотенцем. У Катерины появились шелковые платья, шелковые кофточки, шелковые чулки, но нет гардероба. Она стоит перед зеркалом, вкручивая молнии туфли, любимые укладки, галстуки. Аэрта и брошки Катерина вынимает из темного, как колья, глянцевого горшка.

На шесте потрескивает костерок. Сбоку, ребром к огню, стоит утюг. Конец сушеной тряпки искрится золотыми зубьями огня. В избе трудно дышать от кислой гари. Пятьдесят рублей отдава би Катерина за утюг, в который можно вложить горючих угляй и гладить им суконные белие. Но главное и не в утюге. Нет гардероба с гладкими чистыми полочками, с прямыми квадратным зеркалом, врезанным в звонкую дубовую дверь.

Изящные и модные вещи, разбросанные среди нелепых укладок, не радуют Катерину. А потом — разве скрыть эти песчано-брусничные следы, оставленные клоками над вискозиролановой вдоватой? Неужелиже дальние авяк, платки. У Катерины, как и у каждого, есть отец и мать, двое дедов, две бабки, четверо прадедов и четыре прабабки, восемь прапрадедов и восемь прапрабабок. Они жили в окружении вещей, оставили вещи по наследству. Катерина не хочет пользоваться допотопными вещами.

Они занесены столетиями, эти вещи, в деревенскую избу и окаменели, словно археологические редкости.

Открытые окна выводят в парк. Липовые и березовые аллеи разбегаются изогнутыми лучами. Над ручьями висят голубые парабом воздушных мостиков. Сверкают синие чина прудов. Строгие мраморные фигуры на расшатанных гранитных pedestалах. На площадке у главного под'езда с корифейской колоннадой зарастают последние следы причудливого газона.

Дом генерала Горнолеча строил незаурядный архитектор. Со вкусом разбавил генеральский парк.

Жизнь в усадьбе сосредоточена хозяйственная и культурная жизнь деревни Плесецки. В главном

генеральском доме — плесецкий колхозный клуб. В огромном зале с раскрытыми окнами ребята и девушки слушают патефон.

Катерина Уасова выбирает знаменую пластинку с вальсом.

Бластаний диск патефона зовут к движению и к песне. Первая застенчивая парочка отделяется от

двери. За ней доугая. Потом сразу начинает двигаться очень много людей, они слышат. Бластание кружки пластинки меняются. За окнами уже клубятся и отлассывают по земле неспиритальные сумерки осени. На столе быстро растет стопка перебранных пластинок. Патефон успешно преодолевает сумерки. Музыкальный репертуар иссякает, на диск положена последняя пластинка.

* Мембрана, завершив спиральный круг, хрипло замарат.

Завлукбом Иван Коршунов щекает светлыми заворонами футура. Незамысловатая коробка на столе мерцает. Движение стывает. Отдают шум и голоса. Сумерки вваливаются с улицю.

Все...

Большее нечего давать в плесецком колхозном клубе.

Иван Коршунов предлагает журналы и газеты. Стояок сонливо расставляет сдвинутые столы. Ребята и девушки выходят в парк.

Прядут!.. — спокойно замечает Иван Коршунов.

Молодежь обратно вернется в клуб. Готические часы с бронзовым барабанином показывают только восемь. Сегодня в клубе будет кино. Да и все равно в праздник Плесецка раньше одиннадцати не ложится спать.

В проллации колхоза «Красный луч» висит поантотдеская газета. Под массивной шалкой «Забитый фронт» изображена карикатура, показывающая великое смятение плесецких кооператоров. В сельню стучится новый ассортимент. Кооператоры в страхе забарриадируются лангетми, гадильными злосказами.

...Малыный порошок и пудра. Одеколон. Шахматы. Фарфоровая посуда. Патефоны, балааики, двурядки. Металлические ложки. Шкафы. Механические детские игрушки. Шелк. Сукно. Меха. Лучшее касторки и прюмысы.

Культура внедряется в деревенский быт в образе реальных предметов. Голос этих предметов иной — фарфоровый, металлический, привлекательно свелен. А в плесецком сельню... лангет. Поантотдеская газета, высмеивающая кооператоров, вывешена в колхозе неслучайно. Около газеты теснота и галдеж, словно перед манифестом.

Тажекие обвинения завлукбому Ивану Коршунову пред'являет прежде всего великодушная генеральская усадьба с парком. Мраморные заваяния например приобрели способность удивительно легко

Фото Союзфото

Музына зовет и движению

переваривать. При этом антики меняют местонахождение преимущественно ночью, когда колоссальной силой Васьков старательно просекает в слое молодой картошки. Ценная скульптурная группа «Аэкозон» валится в осеке в двух шагах от разной лужки.

Иван Коршунов не примет обвинения. Он будет очень делово и уверенно его опровергать.

В августе колхозники организовали субботник по устройству изгороди вокруг парка. Задуманные липы и белобокосы, словно вымываемые известью, береги обещают изрядный частотелоси. За лето выросло 12 кубометров жарких березовых дров. Наконец купили в Ярославле пианеро — мощный и популярный музыкальный инструмент в колхозной деревне.

Иван Коршунов имеет программу действий! Запечатать выбитые стекла в клубе. Починить расколотые рамы. Выкрасить железную крышу озорной шпехи тесноборной медведки. Отремонтировать всю печь, из которой до сих пор один раз пролетала дача обгоревшая огромной кубатурой клуба. Но это все в проекте.

Мы не признаем неизменя. Гораздо опаснее неслепые.

В прошлом году колхоз «Красный луч» сдал 26 центнеров с га пшеницы и 18 центнеров с га ржи. В этом году колхоз добил 27 центнеров пшеницы и 20 центнеров ржи. Главью за один год колхоз обогнал тремя новыми хозяйственными отраслями: кукурузой, парниками, пасекой. В этом году стоимость колхозного труда два выше прошлогодней в два с половиной раза. Безоружных в колхозе не стало. Колхозники становятся зажиточными. Завлочки прежде всего выражаются поповнением культурными занятиями.

Но в колхозном клубе не изменилось ничего. Именины, липы, одна вывеска. Место двух слав «Иба-читальня» поставлено другое слово — «Клуб». Все, чем была оборудована, нам расположа забыта, а все, что осталось без изменений и в клубе.

Около пятидесяти названий агротехнических брошюр. Один и те же газеты и журналы. Не было и сейчас нет ни одной шахматной доски, лото, шашек. Нет ни одной вещи, которую бы собирались поставить комсомольская ячейка. Ничто не привлекает осмотра в амбаре полуразрушенной ролю.

Веселья, зажиточности в программе клуба нет. В деревне выросла новая молодежь. Это — бригады, конюхи, трактористы, работники сельхозтехники, животноводы, звеньевые огромных Молотовских полей, мастера технических занятий, помещающая культуру нового сельскохозяйственного труда. Катерина Увасова, комсомолец, прежде чем заговорить о галерею, кончила ЦКМ и животноводческие курсы. Увасова вводит колхозно-товарной формой в колхоз. Из таких Увасовых состоит сейчас молодежь деревни.

Книги, главным образом, клуб не подготовила. Делать их только в кочках и рамах. Организация культурного, занимательного отдыха — забытый фронт. Фронт, требующий творческой смелости, инициативы, настойчивости, районноагитаторских мероприятий, помощи.

Молодежь спрашивает Достоевского и Толстого, Горького и Серфимовича. Современные поэты чаще всего встречаются в совхозе сегодняшнего деревенского читателя, но не всегда этот спрос удовлетворяет колхозная библиотека.

Присмотритесь в вечерок в колхозном клубе, — вы увидите очень много скучных, напрасно осердечившихся лиц.

Кино, радио, аэроз — это еще плохо освещенные отрасли досуга. Зима наступит, послова на придушу. На пруду не будет катка. С горы Питинки не будет катания на амах. Кульфонд, выделенный колхозом в размере четырех тысяч рублей, не расходуется.

Устаревшие формы культурно-массовой работы на селе не требуют финансовых издержек. Они безжизненные, никому не нужны.

А в соседстве с Плещеевской сел Великом клуб перешел. Там устраивают концерты. Выступают свои хоровой ансамбль, гитаристы, балалаечники, гармоники, драматический кружок ставит «Бронза» и «Ползунов», Ил помогает культурбригады Ярославского завода «СК-1».

ПАРИТЕЛИ

из дневника инструктора-планериста

23 июня

Утрой шаром сияют Шанди сияют в морях. Легкий морд-ост. И точно на что повила там-то есть десетки крепких рух. Спокойный, уверенный ритм: Рр-а-а, аа-а! Рр-а-а, аа-а!

После жаркого жаркого жавитесь свежей волной и торопливо проглотить завтрак.

На старте сегодня особенное оживление.

25 июня

О и всегда весел и доволос. Всегда спокойный, крепкий, уверенный голос. Ему едва перерывало за 20, а он уже славней передовым шифром в Крымском Союзе. Сейчас он лучший инструктор здесь, в Высшей летно-планерной школе. В 1932 г. на планерном аэро он взял мировой рекорд высоты, поднимаясь на 2236 метров. Сейчас с таким же упорством он собирает планер, копясь в мастерской пилы с машины. Сена Гарши — мастер советского планеризма, комсомолец и ударник школы.

27 июня

Готовился к встрече шифром. Пощаду расписки от каменей, раздалаши цветник, дорожки. Школа приняла праздничной вид.

Лени Малдеев успел основательно закупить дружбу с Баропольским колхозом. Организует у них октябрины. Сейчас хлопочет вселу, чтобы обес-целил подарками октябрины.

1 июля

— Становится!
Собегуют отвоисуд улелети в синих комбинезонах. Через полминуты размеренным шагом, под громкую песню — на старт.
Машина взмывает огромной стрелой. Быстро поднимаясь, она уходит далеко по склону, скрывается за обрывками облаков. Приходит слова в старту, но уже маленькая, похолола на игрушки. Молочно кружится над деленкой колхозных полей, там, где слышится небо и море.

Летящий на планере колхозник не знает, как выразить удовольствие. Он молчит мет фуражку, и только довольная улыбка говорит о переизотом.

Ничуть не страшно, — бросает он закончив и смеется.

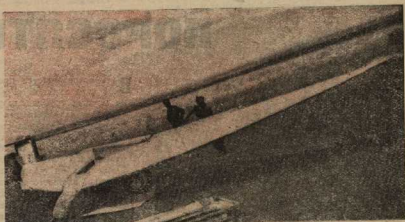
Полети кончатся поздно. Люди устают. А хочется еще летать!

3 июля

Со стороны смотрят — забава. Полейдем ближе — увидишь серьезный упорный труд. Летчик-планерист отлетает весь полет, и только тогда у него полет получается чистый! За летний день здорово устанут мышцы, — к вечеру они тяжелеют и неподвижны.

Облака ленью бродят по горам. Кажется, расцвели горы дымчатыми, пушистыми цветами. К полудню становится жарко.

— Кончим! Ветер сдох, — радуется ней-то голос.

На сборке безхвостого планера 4 «Парабола»

Короткий отлех.

Летная часть дурит. Улетел заделав на посадку и допустил полетом. Надо бы еще пролететь, чтобы до, разработать с курсантами привычки полетом, а летная часть — молчок. Кустерная металл! Нельзя, досадно, — улетел уверенность улелети и плохо отменяется на аэроу.

6 июля

Завтра пошел бригаду во главе с Полковником, чтобы установить в колхозе летатель, — очень просил об этом колхозников.
За полетом Овчарова так взлетел на келье, что он теперь не подумает летать в полете.

10 июля

Большая половина учебной программы выполнена. Хорошо проходит повторная подготовка.

На старте с жадностью читают газеты. В каждой группе — комсомольский организатор, отвечающий за ее работу.

18 июля

Машини стей кружатся над склоном. Мелкую тини вертятся громадине, почти с мажину, орам. Они востраиваются в искусственных пилотажных желая научить сопирника. Цельны часами бродят они за планерями. Иногда орает так близко, что незаметно отмахивается рукою и отворачивается, боится за глаза. Но хищник не хочет драться — пощурит и отлетит.

В дозине — яркая карта колхозных полей. Богатый урожай в этом году. С большой высоты деревня кажется маленьким призрачным рисунком.

На школьной вышке спущен флаг — значит нормеря. С моря набегает чистый ветер. Не хочется идти на землю, но надо.

Очень дружно идет работа в послелетные дни.

25 июля

Сегодня выпуск пилотов — замечательный день. В Феодосии — массовая вечеринка выпускников с рабочими табачной фабрики. На сцене — ударники учебы. Командование пригласит их. Музыканты, организаторы, почти немаловажные зрители.

Словно владостыгиты превращаются слова секретаря полклетки фабрики: «Мы об'являем сбор средств на постройку самолета имени Высшей летно-планерной школы ЦО ОАХ. Мы построим его, товарищи!»

И слова отсера тонут в общем восторженном гуле.
Крым — Контбелль.

Гляди с самолетом выстрелили планеры

ТАМ, ГДЕ РАБОДОВАЛ ПОРОСЯТНИКОВ

В Москве имеется прославленный район со старой кличкой «Грузинка». Было время, когда высочайшей индустриальной верховоды хулиган ходили на прыжках сотни людей. Но Поросятников дружка только с сестеркой. Главари шайки был самым молодым и бесподобным. Его преступление отличалась дикой наглостью и жестокостью. Один раз он ударил ножом в грудь старика-эвончика, схвачено на работу. В другой раз разбил каскетом голову бономулю подростку. Поросятников организовывала западня на милиционером, избивая ребят, возвращавшихся из рабочих клубов.

Он казался непобедимым. И даже за несколько часов до вынесения ему судом смертного приговора свидетели завывали от страха, рассказывая о преступлении банды Поросятникова.

Поросятников теперь почти забыт в «Грузинке». Пред вечером ситом электрических фонарей можно зреду по ночам читать газету. Дежурному милиционеру время дежурства кажется очень длинным. Ввиду тишины, и только где-то за тонкой стеной бречит гитар.

— Первые то только похвалялись,—рассказывает милиционер,—тоже вот пристают мне, про свою жизнь похвоят. Иной раз и погороме дела случаются, да это уже случаи особые.

Сотни новых случаев заподинались молодецки. Тиски учебных заведений. Парки культуры и отдыха, стадионы, клубы, военные станции... Паспортизация, Осодима, воспитательная творческая работа в колониях для правонарушителей... Бесподобный напор на классового врага сочетается с победной борьбой на фронтах индустриализации и культуры. Все это решало вопрос о массовом хулиганстве.

Прежде хулиган шел посредние улицам с беспечным видом и с финским ножом, привлекшим и толпу. Он пел:

Сорок восемь протоколов
Составил на меня,
Ане милиция внякома,
Ни боюсь я ни черта.

Сейчас он отодвинулся в сторону, являвшая облаку и стая. Время не то. Репертуар хулиганских чаш ступен постепенно изменяется:

Броши, Вилка, хулиганить.
Песк людей не застраждат —
Или клубом тебе двинут
Или двадцат годовоч пят.

Успехи в этой области огромны многих. Теории некоторых из «окрмленных» очень похожи на теории нравов в вопросах борьбы с качеством. Борьба с хулиганством, по их мнению, видите ли, пройденный этап, к которому незачем возвращаться.

Когда «Смена» издательская очерк В. Косинкина «Хулиган», раздалась первые робкие голоса этих людей: Голоса эти услышали после первого съезда специального совещания по культуре досугу и по борьбе с остатками хулиганства.

Некоторые товарищи говорят: «Что вы затеяли? Прямеч тут милиция? Вы — культурное учреждение и должны работать сами по себе.»

Хулиганские очаги возникают там, где повсюду есть мажорное благодушие и успокоение. Хулиганство уславняется в тех местах, где общественные и культурные организации забывают о необходимости бороться с ним.

Повсюду работа милиции — огромное регулярное дело. Однако милиция не всегда пользуется должным вниманием и помощью населения... Милиционер небольшого роста задерживает верную, хулигана, алкоголика. Рядом стоящие граждане смеются и похориваются. Ничто милиционеру не помогает. И только после того, как он настойчиво обращается к окружающим, находится олим-другой взаимной помощью.

Многие из наблюдателей вероятно исплакаются работами из своих участках и являются удивленным и общественникам. Но когда дело касается помощи органам милиции, они считают, что дело и без них сообразно, у милиции сила хватит.

Ни культурные организации, ни печатю до сих пор по-настоящему не ставили вопроса о привлечении общественности к выявлению и работе милиции. Руководящий работник сектора борьбы с безнадзорностью Рубенрауд так характеризует работу общественных организаций в области борьбы с хулиганством:

— И должны категорически заявить, что райкомом ВАКСМ, так же как и иловые профсоюзные организации, совершенно не помогают ни районным отделам народного образования, ни комиссиям по делам несовершеннолетних. Если комсомола влетать хоть приходит к нам, то профсоюзом этим совершенно не занимаються.

Осодима или, как его называют, Бригадына — отличная форма помощи общественности органам милиции. В образовательных и культурных организациях в подмосквовских районах участвовало больше рабочей молодежи, чем штатной милиции. Среди бригадынальцев есть много товарищей, отлично понимающих свои задачи. Они изучались учивать людей. Но не все ребята исчисляли на собственном опыте механический подход к людям. Особенно поучительны куски биографии именьшого активного осодимая Лешня Разумова.

Во время на Тверском бульваре не было еще аттракционов, на медведьораме труб не выривались марши и вальсы, но освещая бульварных скамеек яркие огни фонарей.

Тезо гудела ветки. Тихий смех заглава над одиночными бульварными скамейками. Под изобильное восхищывание двухрадики являющимися полубабочку скучные молодые люди.

Иной раз спокойно, с обчиченым скучным всеведом проходил вечер на бульваре. Но хулиганские и удали возникали в своей полутьме. Уж без всякой притворности выжидали на одиночке скамейках девочки. Это проходили битися ребята на Косого переулка.

В кампания Лешня было семь человек. Двое работала на Пресне, а жила в Навицких, зооотряд. Им делом было ходить по вечерам до заводского клуба. Пробовали они приходить в Дом печати, что на Нинитском бульваре. Пытались ребята побывать на комсомольской пашке в клубе Загорского, что по Настасьинскому переулку. Но неудачно получалось у них с этими клубами: пропускали тут только привлекательных да еще соседских барменов для добавочного всеведья.

Третий парень из компании Лешня Разумова нигде не работала, по обладал способностью приходить в любой клуб. Его мало интересовала клубная жизнь. На бульваре он чувствовал себя в своей стихии. Вместе с ними проходили вечерние время три девушки: одна работница с «Тригорки» и две скарь ремонтной мастерской — была заводной и воляком.

Часто бывало так, что расхаживая ребятаже по домам, приближалась как уверенного заводского гудка, а Лешня все еще сидел на скамейке, склонив голову и опустив плечи. Разные товарищи молчали приходили к нему. Сегодня он тутая в клубе Загорского: «Надо бы этому гудку Кукуняну голову отвернуть!»

Со всей ответственностью возникала перед Лешней неотложная картина. С аулу сторон тащат его из клуба Загорского двое бригадынальцев. Один толкает его в спину. На эстивере ребятаже хулиган влетает знакомая девушка. Лешня всматривается, как он летитя помощника, который подталкивает его в спину, и вылетает на освещенную мостовую Настасьинского переулка.

...В этот вечер ему замоталось пойти домой мимо клуба Загорского. Еще с аулу Тверской он увидел сияющую огня фонарь. Ему показало, что невнятный гудк доносится со стороны клуба. Он ускорил шаг.

Лешня и крики доносились с клубовой эстиверы. Шумя рванул дверь и очутился в прихожей. Звездой и приросла деската полторы ребят. Лешня заметил, что все они дальние на две группы. Одна вела себя более сдержанно, старалась уговорить другую группу вести себя спокойно. Остальные влялись в драку.

ПРЕЖДЕ хулиган
ШЕЛ ПОСРЕДИНЕ УЛИЦЫ С
БЕСПЕЧНЫМ ВИДОМ, С НОЖОМ
ИЛИ С ГИРЬКОЙ У ПОЯСА

Лешка Разумов почти бесосознательно встал на чужую сторону. Прогонявая ледяной рукой карман с четвертинкой водки, он правым плечом оттолкнул чужака и нагадо парня и продвинулся на середину лестницы. С обильной своей грубостью он схватил за ворот рубахи одного из главных скандальстов.

Повидимому один почувствовал в нем крепкое сопротивление. Один круг атакующих аргументов и Лешка моментально выгнал из клуба. Только тогда Лешка смущенно почувствовал, что неожиданно для себя попал в необычную роль.

Рейтин на клубу Загорского, повидимому, его не узнали. Во всеобщей суматохе его попросили стать на контроль. Он не нашел в себе крепости отказаться и остался открывать клубную дверь.

В клуб Загорского за последние время пришли многих ребят, и Лешка сошел за активного клубного новичка.

В эту ночь веселье затянулось слишком поздно. На другой день был выходной. В тихой комнате гомола гремела гармошка. В обширном зале игра духовой оркестр. Лешка вошел в зал. Посредине стоял инструктор. Только что закончил танец, и сейчас полагалось провести массовую игру.

— Давали, давали, подходи!

Кто-то схватил Лешку за руку, и через мгновение он уже вкрутился рядом с двумя празднично разодетыми девушками. Один круг атакующих аргументов в омут стороны. Другой — находился в середине большого круга и двигался в обратном направлении.

Движение ускорялось. Лешка чувствовал, что рука девушки слабеет и что он все-таки удерживает цель от развала.

Внезапно круг разорвался в нескольких местах. Под громкий смех несколько играющих, в том числе и Лешка, разлетелась в разные стороны.

Лешка почувствовал, как что-то теснуло у него в кармане. Он испуганно вскопала о четвертинку водки. Грех и лешкинко смущение заметал со всех сторон. На месте его падения образовалась гора осколков. Во все стороны, светясь под яркой клубной люстрой, рассыпалась лужа водки.

Отношение к Лешке мгновенно изменилось. Его окружали со всех сторон неподвижные люди.

— Давали свой клубный билет! — сказал один.

Лешка почувствовал, что с ним случилась большая неприятность. Еще час назад он вряд ли мог себе представить, что такое происшествие сможет его опечалить. Но сейчас будто произошло непонятное.

Его сватили с двух сторон и потащили к выходу. Так же, как и в прошлый раз, услужливый помощник подталкивал его в спину. Но на этот раз Лешка Разумов изменил обычным своим хулиганским правилам: он никого не бил, не вымывался, не скандалил. Он не был испуган, но то, что случилось, сделало его тихим, скучным и послушным.

Так неужидно началась и закончилась клубная жизнь Лешки Разумова.

Все это произошло в далеком прошлом. Лешка Разумов стал культурным человеком и активным общественником. Он на собственном опыте знает, как вредно механически подходить к людям. Но не все осозналицы похороны на Лешку.

Со всех сторон Тверского бульвара прилегают к памятнику Пушкина соловьиные трели. Через несколько секунд — толпа. Она быстро увеличивается. Кого-то хотят задержать, но вскоре выясняется, что задерживать некого и не за что.

Поэт Иосиф Уткин правильно охарактеризовал в своем выступлении на совещании «Смена» эту часть повзросневших милиционеров:

«Чувствуют у них желание поймать кого-нибудь, задержать, дать по уху. Они рассматривают свою общественную функцию как возможность быть странно представительными. Они пытаются представить собой детективов, расследующих по городу неуловимых преступников».

Понтересуется, участвует ли молодой активист, например секретарь или культурный комсомольского комитета, в работе Осудила. Каким им среди осудимых взрослых кадровых рабочих? Что сделало общественные организации помимо самозачетного выдвигания желающих в бригады?

В девяти случаях из десяти бригадманы целиком и полностью оставлены на попечение милиции. Любопытен в районных комитетах там же как и в городских районах, попадают среди них не чаще, чем грибы в разгар засухи.

Воспитательной работы с бригадмаными ни комсомольские, ни профсоюзные организации не ведут. Отсюда наивный свист и беготня вместо

повышенной бдительности к работу, вместо чуждого подхода к рабочей бригаде, которую можно считать от влияния квалифицированных хулиганов.

Всегда и более понимающие люди разбираются в существе преступлений, граничащих с хулиганством.

Очень часто бригады нам врезать наведет на себя легкого хулигана, стараясь попасть в категорию мелких озорников. «С нами, мол, надо вести воспитательную работу, водить нас в кино, катать на лодей».

К сожалению, не всегда попытки этих людей бывают безуспешны. Иногда изволе судебные организации квалифицируют явно антисоветские поступки как обычное хулиганство.

В Щелкинском районе (Московская область) был разгар хлебозаготовок. В село Кармышево этого района приехала новая уполномоченная. На митинге он говорил о семенных фондах.

Уполномоченный не заметил, как подошел к нему местный бузотер Николайев. Руки этого человека были заложены за спину. Он размахнулся и ударил уполномоченного по шее — лодкой кошкой.

Этот случай местные судебные органы характеризовали как обычное озорство и дали за него короткие приуроды.

На трамвайной остановке у Самарского переулка стоял человек в кавказской одежде. К нему подошел полвыпивший хулиган и ударил его кулаком по носу. «За что бьешь?» — спросил кавказец. Хулиган засмеялся лубам: «Увиди отсюда, кавказская рова!».

Сотрудник оперативного отдела задержал хулигана и составил на него протокол. Каково же было изумление этого сотрудника, когда через несколько дней он узнал, что застойный хулиган-шовинист отделился уплатой небольшого штрафа.

Особенно развито примитивное отношение к обычным излодам хулиганов.

Барак «Шариподлинника» расположен в незлой местности вблизи реки. В бараках «Шариподлинника» находилась изобретательные лоды, пожелавшие использовать воду. Они организовали у воды вышки, затем подрались и утону в реку.

После этого являлся морские в барак, где и продолжали свои злодеяния.

Окружающие вместе с комсодом весьма благодушно отнеслись к буянам и оставили дело без последствий.

Боявая организация молодежного досуга является одним из решающих условий борьбы с хулиганством. VI пленум ЦК ВКСМ отметил недостаточную работу большинства комсомольских организаций в области обслуживания здоровья культурных заповров рабочей и колхозной молодежи.

Учней комсомола должны организовать широкую культурно-массовую работу в местах скопления молодежи: в парках, на бульварах и т. д. Надо использовать все условия, чтобы организовать для молодежи спорт, зрелищность, кино, просмотр, концерты и другие развлечения, особенно в выходной день. Клуб, театр, физкультурные и туристские организации, самодеятельные кружки — драматические, музыкальные и хоровые — должны крепко помочь этому делу».

Но «никогда какой-нибудь подвыпивший хулиган в части организации отдала» дает себе знать больше, чем наша комсомольская ячейка (Косарев).

В связи с этим стоит полагать, как готовится комсомольские ячейки и отдельные клубы к зимней работе с рабочей молодежью.

В московском клубе КОР чувствуется оживление. Разработана четкая зимняя программа. Дважды в месяц будут проводиться молодежные вечера. Тут и вопросы технической учебы, и лекторские темы, и полубойи, и выступления. Намечены легкие походы. Оборудована прекрасная комната молодежи.

Клуб им. Русакова организовал одиннадцать самодеятельных кружков. Имеются тут два хора, два духовых оркестра, один — струнный, литературный кружок, бригада массового инсценировки, фотокружок, эстрадно-концертная бригада.

Струнный оркестр получил за лето работу первую премию МОСТС. Хоровой кружок тоже был премирован.

Здесь своевременно будет упомянуть о молодых старцах в комсомоле. Вместо того чтобы подвизаться и развлекать стариков, они не хотят отгородиться от нее совещаниями, докладами и резолюциями. Поговорить с клубными работниками СВФРЗ, трамшара, клубов им. Дзержинского, КОР.

— Бауманский райком комсомола ивовой работы по клубам не ведет. Просто обидно становится.

— Секретари комсомольских паровозного хозяйства и вагожного хозяйства не потрудятся даже взглянуть в клуб, несмотря на многочисленные приглашения.

Повторные эти примером должны учесть комсомольские активисты. «Комсомола на данном этапе нашего строительства должно явиться своеобразным наркоматом культурного отдыха». И это поможет окончательно искоренить остатки хулиганства в нашей стране.

СЕЙЧАС ХУЛИГАН ОТОДВИНУЛСЯ В СТОРОНУ, ИЗМЕНИЛ ОБЛИК И СТИЛЬ, ПОГРУСТИЛ. ВРЕМЯ НЕ ТО, ОСОБЕННО НА НОВОЙ УЛИЦЕ НЕ ПОХОЗЯЙНИЧАЕШЬ

Слоны в Комсомоле

ВРАГ ФОКСТРОТА

На одном из московских совещаний по досугу молодежи выступил с громовой речью ортодоксальный членок:

— Товарищи, — сказал он, — фокстроты начинают овладевать умом молодежи. Эти подлые мотивы с успехом противопоставляются прекрасным народным песням и низверженным маршам. Долгой фокстроты!

Слово этого человека не раскололось с делом. На другой день после совещания он пошел в музыкальный магазин и купил восемь идеологически выдержанных пластинок.

Затем он вошел во второй музыкальный магазин и обменял эти пластинки на одну пластинку фокстрота.

Е. Ох.

ТЕРЕХТЕХТЕХ!

Редакция получала от одного настоящего корреспондента несколько писем и стихотворений. Стихотворения оказались очень слабыми. Редакция сообщила ему об этом. Автор остался неудовлетворенным. Он прислал еще одно стихотворение и прислал:

Рис. НЕШИ

Не дураки сидят в Баку,
Не скажишь им Кукареку,
И смеш, и грех —
Литский цех не анал пролет!
Терех, терех! (защелчок)
Терехтехтех! А. Гр.

У СКОРЛУПКИНА БЫЛИ ДЕНЬГИ...

Скорлупкин лег на постели, одетый, прикрыл голову подушкой. Длинные ноги высунули сквозь спинку кровати.

— Что с тобой, поверженный гаванец?

Вздур он сел на кровати:

— Сауши, у тебя случайно нет тридцати образца 1931 года?

— Нет, — протянула и неуверенно. — Зачем же тебе собственно 1931 года?

— Видишь ли, — торопливо заговорил Скорлупкин. — Один мой приятель, оказывается, был экспертом Госбанка. Подписав на дензнаках имеется Любопытном, знаешь, иметь.

— Нет, трешника у меня нету.

— Ну, может быть, рубль найдется? Ведь он и рубль тоже подписывал.

— И рубль нет.

Скорлупкин же мог перенести та-

кой катастрофы в своих коалескционных и жестких условиях. Да, кстати, посылать и давай заставка от отчаяния.

— Ты, Петя, не расстраивайся, — сказала и, тоже страдая от оскубствия. — Зайдем к Муравьеву.

— Но ведь он тоже бля, — в ответ простонал Скорлупкин.

— Где бля?

— В Парке культуры и отдыха.

— Не понимаю. Так ты там истрагисал, что ли? Странно!

— Что же тут странного? Еще охотничью отдавался.

— Не могу постигнуть. У тебя ведь три червонца было.

— А ты подкачал, — обиделся Скорлупкин.

Я вооружился карандашом и бумагой.

— Ну-с, первое, значим с аттракционной. Да, кстати, ты единственно развелкался или в ванн трест бля выключена пашинском кавай-инбуль особа, до какадом или без омого?

— Без омого.

Так-с. Значит, все можно на дв. Ну-с, значим. Первое сиварная бляне—нуло техники — построена специально для испытания качества московской продукции, путешествия на собственных брояках, цена 50 копек.

— Парашют.

— Парашют, — ожа-

вился я. — Ведь это великолепнейший и умный аттракцион, красивый, уместнейший и нужный.

— Рубль, — глухо и мрачно сказала Скорлупкин.

— Есть, 2 рубля.

— Какое вертикальное воле цирка — 50 копек.

— Забавная штука, — говорила я, от мечая. — Во время движения с него спрыгивают стая яркого и смелого. Потом кольцо смеха — 40 копек.

— Да, — сказала Скорлупкин, — так-с, есть четыре червонных.

— Пиши лядьне. До начала и звериней холмиа. Выросли — рубль.

Потом кольцо смеха — 40 копек.

— Да, — сказала Скорлупкин, — мы еще в теннис играли. За жорд 1 рубль 50 копек, две ракеты — 2 рубля, три мяча — полтора рубля.

— Итого пять рублей, — заявила я, торжествуя.

— Я потю в торговлю играю, — гористое летелга Скорлупкин. — Потом рубль. Потом обидан. Цп 2 рубля 32 копейка, битовый рыбак 2 рубля 25 копек, сс, помозоние на два, 9 рублей 14 копек. Потом воздушная зарусель, похожая на аюстру, — по 50 копек.

— Есть, рубль.

— Танцоваль, — с каким-то радостным зловраством выкрикивала Скорлупкин, — три рубля. Воду пина? Пиши: воду пина. Вафал А ты? Ты забыла твою.

Я робко карандаш в отчаянии.

— Сколько тебе дадут за это одеяло? — прошептала я хрипло. — А за кровать? А за шаль?

В. КОЕНЕВИКОВ

Равнозначен животным, — и живим на нем! И после атак и васа и загоним себя в слонов и слоних в ренетчатый босид. И МАЛКОСМОЛО

Сплетня

На кухне, где шумит приюда, Собираются хозяйки дедушки. Они протравят записные глаза И новост разные слушают.

Марья Ивановна гремит ведром И удивится кроле алавини: — Грамья провалилась в метро На Каланчевской площади. — А я самава шабобот, — Ей отвечает другая: — Грамья провалилась у Мясницких ворот И, кажется, два трамвая. А баба старая, — особеннова на трамвай поведат телулу пелулу Она в червов идет И ставится в очередь к метро у одоушек на метро свечку. А пока свечка стоит и тает, И баба идет, пыталась от трамва, Поперешку адуат трамвай И строится метро.

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОТВЕРГИ	
Як, Ильин—Балаган	4
Аввакум (водолаз)—Опытные у	5
В. Шкловский—Странны метро,	6
И. Алапов—Встретились	8
Евг. Кригер—Оглушил ли в этом свете товарищи	10
Евг. Абросимов—О горючих бочках	11
С. Третьяков—Путешествие по Данию	10
Ф. Мазон—Коллекционеры в генеральской усадьбе	20
П. Билибин—Партизаны	21
А. Гротон—Там, где орудовал Потешников	22
СТИХИ	
И. Молчанов—Рейка	2
Д.м. Борозин—Шестипятидесятый	3
С. Емельяев—Притча про алкоголь	17
Евг. Абросимов—Сплетня	24
НАУЧНЫЙ ОТВЕРГИ Ю. Платура—Время вперед	12
ДИДАМОЩИ № 4—Финансисты-ста ИС Шляпов и «Смелый» Л. Линков, В. Алташев, М. Наваринский	14
СЛОНЫ И КОМСОМОЛЦЫ В КОЛЛЕКЦИОНЕР — «У Скорлупкина были деньги» (фельетон)	24
РИСУНКИ А. Понявский, С. Гельсман, И. Приклин, Евг. Беляев, Л. Сметков, Л. Соффертиса, Кеня	
ФОТО: Л. Пельмешкина, Е. Денберг, А. Родченка, А. Скуригина, М. Хава, Прехнев и Богданов, Л. Давидов и Сокофето	
НА ОБЛОЖКЕ: Барельеф худ. Е. Виноной «История Красной армии»	
Образные номера худ. Кема	

Сцена у кассы ПКО

Отв. редактор В. ВЕЛЬМИН

Отв. секретарь Я. ЧЕРНЯК

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»